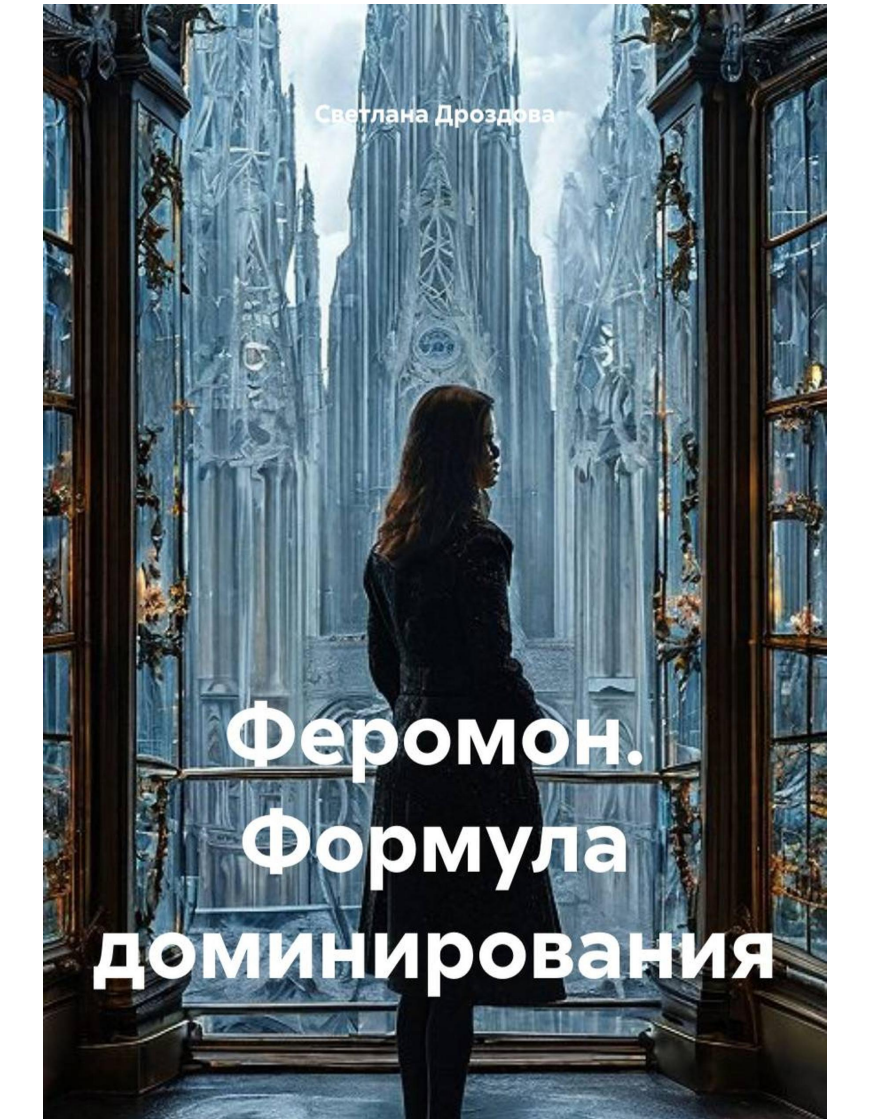

A woman with long brown hair, wearing a dark, patterned dress, stands in profile looking out of a large, ornate window. The window is framed by dark wood with intricate carvings. Outside the window, a tall, Gothic-style cathedral with multiple spires and detailed stonework is visible under a cloudy sky. The overall color palette is cool, with blues and greys dominating the scene.

Светлана Дроздова

**Феромон.
Формула
доминирования**

Светлана Дроздова

Феромон. Формула доминирования

<https://litres.ru/74413507>

SelfPub; 2026

Аннотация

Стеклянные стены «Авроры» отражают холод, а в их центре — младший аналитик Ева Воскресенская, которая видит химическую формулу страха и готова переписать саму реальность. Объединив феромоны жуков-могильщиков с собственной плотью, она создает «Кобру» — парфюм, способный подавлять волю и менять личности. От унижения в корпоративных коридорах она поднимается до архитектора мирового порядка, подчиняя себе министров, военных и целые отрасли индустрии. Но чем грандиознее власть, тем быстрее она сжигает её носительницу. Бегство бывшего мужа, противостояние спецслужб и попытки обрести контроль над собственной биохимией превращают историю в гонку на выживание, где цена идеального порядка — потеря человечности. Чем дальше Ева заходит, тем более чуждой становится её суть, а мир вокруг превращается в лабораторию, где каждый должен выбрать между свободой в хаосе и рабством в любви.

Светлана Дроздова

Феромон. Формула доминирования

Глава 1: Фарфоровая кукла

Эпиграф: «Запах страха имеет химическую формулу. Я могу её написать».

I. Экспозиция: Утро (08:45)

Утро в атриуме корпорации «Аврора» пахло озоном и дезинфекцией. Здесь не было места живым запахам — ни кофе, ни пота, ни даже запаха бумаги, которую в этом стеклянном кубе почти не использовали. Воздух казался стерильным, словно его профильтровали тысячи раз, очистив от любых эмоций, и накачали в эту огромную клетку для людей. Стеклоаные стены атриума уходили вверх на двенадцать этажей, перекрываясь стальными балками, и через них лился холодный, безжалостный утренний свет, который не грел, а скорее подсвечивал каждую пылинку, каждое несовершенство.

Ева Воскресенская вошла в главный вестибюль ровно в

08:45, как делала это каждый день на протяжении последних трёх лет. Она двигалась сквозь серую, однообразную толпу сотрудников, как игла сквозь плотную ткань. Вокруг неё текла река одинаковых костюмов — мужских и женственных, но выдержанных в одной унылой гамме. Серые пиджаки, серые брюки, серые юбки, белые блузки и черные лодочки. Тысячи безликих пешек, которые двигались по идеально выверенным траекториям, словно запрограммированные роботы. И посреди этого серого однообразия Ева казалась пятном, случайно упавшей каплей цвета. Её бежевый плащ, старый и поношенный, с вытертыми локтями и слегка полинявшим воротником, был единственным светлым пятном в этом мире корпоративного минимализма.

На шее у неё висел дешёвый кулон. Он был едва замечен, скрытый под воротником блузки, но для Евы он значил больше, чем весь гардероб «Авроры», вместе взятый. Это была маленькая стеклянная пробирка, запаянная с обеих сторон, внутри которой плескалась обычная водопроводная вода. Ева носила этот кулон три года, с самого первого дня работы. Это был её талисман, напоминание о том мире, который существовал до «Авроры». О мире, где вещи не были такими холодными и где у вещей ещё были названия, а не шифры.

Толпа перед турникетами слегка замедлилась, как река,

которая натывается на подводный камень. Ева шагнула вперёд, прикладывая пластиковый пропуск к считывателю. Турникет издал короткий, деловой писк, и красный индикатор на панели пару раз моргнул, прежде чем загореться зелёным. Система распознавания лиц, та самая, за разработку которой Ева когда-то получила премию, сработала со второй попытки.

— Воскресенская, — проговорил охранник, не глядя на неё, а скорее в экран своего монитора. Его голос был лишён всякой интонации, механический, как и всё вокруг. — Опять на ночь в лаборатории? Вид у вас... непрезентабельный.

Ева подняла глаза. Охранник был грузным мужчиной лет пятидесяти, с мясистым лицом и маленькими, заплавленными глазками. Он смотрел на неё с тем особым, плохо скрываемым презрением, которое всегда испытывают люди, наделённые крошечной властью, к тем, кто эту власть не имеет. Он не мог уволить её, не мог лишить премии, но мог испортить настроение, и ему этого было достаточно.

Ева молча взяла пропуск и прошла через турникет. Её пальцы слегка подрагивали, когда она засовывала пластиковую карточку обратно в карман плаща. Это был не страх. Это был остаточный тремор после ночи, проведённой в лаборатории. Она просидела там до трёх утра, одна, в тишине, пре-

рываемой только гулом вентиляции, работая над формулой. Над формулой феромонов — тем проектом, о котором никто в «Авроре» не должен был знать. Пальцы дрожали от усталости и от того странного, электрического возбуждения, которое всегда охватывало её, когда она была близка к открытию.

Она прошла сквозь стеклянные двери в главный холл. Здесь было ещё более стерильно. Пол из полированного белого камня отражал потолочные светильники, создавая иллюзию бесконечного пространства. Громадный светодиодный экран на стене транслировал новости — акции «Авторы» снова росли, корпорация объявила о найме ещё тысячи сотрудников на свои азиатские заводы. Ева смотрела на экран без всякого выражения. Она знала, что этот рост — лишь результат очередной агрессивной кампании по захвату рынка, которая в итоге сожрёт два других стартапа и оставит сотни людей без работы.

Она направилась к лифтам, стараясь не смотреть по сторонам. Она знала, что увидит то же самое, что видела каждый день. Лица людей, лишённые света в глазах. Их биоматериал, думала она. Всего лишь биоматериал с предсказуемыми реакциями на раздражители. Можно было предсказать, кто из них пойдёт на повышение, а кто сломается в ближайший квартал. Достаточно было посмотреть на уровень кортизола в крови, который читался в напряжённых плечах, или на

дофамин, который сверкал в глазах тех, кто только что получил премию. Ей казалось, что она видит их насквозь, как рентген. Видит химию их эмоций, их страхов, их маленьких, ничтожных амбиций.

Лифт бесшумно скользнул вверх, и Ева вышла на тринадцатом этаже. Здесь располагался опен-спейс её отдела. Запах озона сменился запахом горячего пластика и озона — запахом работающей офисной техники.

II. Завязка: Рабочее место (09:15 – 12:00)

Опен-спейс «Авроры» был похож на огромный муравейник, только вместо земли здесь были бесконечные ряды столов, разделённых низкими перегородками из матового стекла. Гул серверов, которые гудели где-то за фальш-стеной, смешивался с монотонным стрекотанием клавиатур и редкими телефонными звонками. Воздух был сухим, кондиционеры работали на полную мощность, и кожа Евы покрылась мурашками. Она прошла к своему рабочему месту, к самому дальнему столу в углу, рядом с окном, выходящим на стену соседнего здания. Вид был отвратительный, но Еве нравилось — никто не ходил мимо неё, никто не заглядывал в её монитор.

Едва она села, как напротив неё, за соседний стол, плюх-

нулась Лиза. Лиза была полной противоположностью Евы. Яркая, шумная, уверенная в своей неотразимости. Её волосы были выкрашены в агрессивный медный цвет, на губах — матово-красная помада, а на шее — платок от Hermès, который она купила за первую крупную премию. Лиза не работала, она существовала в офисе, как хищница, готовая в любой момент вцепиться в горло любому, кто попытается перейти ей дорогу. Ева знала, что Лиза пользуется поддержкой Дымова, хотя никто этого открыто не подтверждал.

Ева открыла ноутбук и попыталась сосредоточиться на отчёте. Но не прошло и пятнадцати минут, как Лиза громко, на весь опен-спейс, засмеялась.

— Ну конечно! — воскликнула она, обращаясь к начальнику сектора, пожилому, лысеющему мужчине по фамилии Козлов. — Я просто посмотрела на данные свежим взглядом, в отличие от некоторых, кто сидит тут годами и не видит дальше собственного носа.

Ева подняла глаза. На экране Лизы красовалась презентация. Та самая презентация, которую Ева готовила три ночи. Та самая схема оптимизации логистики образцов, которую она выстрадала, пролистывая бесконечные таблицы. Лиза просто скопировала её. Слово в слово. Она даже не потрудилась изменить цвета графиков или переставить слайды.

Ева почувствовала, как кровь прилила к лицу. Её руки, которые всё ещё слегка подрагивали, сжались в кулаки. Она вцепилась в край стола с такой силой, что костяшки побелели, а ногти впились в ладони. Больно было, но эта боль была приятной. Она помогала ей не кричать. Внутри неё закипала ярость, холодная, как жидкий азот.

— Ева, ты чего такая красная? — Лиза повернулась к ней, делая вид, что только что её заметила. Её голос звучал приятно-сладко. — Ты не выпалась, да? Опять в лаборатории сидела с этими твоими пробирками? Фу, ну и химия... пахнет кислятиной. Ты бы хоть проветрилась.

Лиза снова засмеялась, но теперь смех был направлен на неё. Остальные сотрудники, которые работали рядом, подняли головы. Кто-то улыбнулся, кто-то сочувственно потупил взгляд, но никто не вступился. В «Авроре» не принято было вступаться. Выживал сильнейший, и Лиза была хищником в этом загоне.

Ева медленно разжала пальцы. Она посмотрела на свои руки — под ногтями виднелись полумесяцы от напряжения. Она перевела взгляд на Лизу. Внутренний монолог, который всегда звучал в её голове, включился с новой силой. «Им нужен адреналиновый шок, чтобы проснуться. Им нужна река

кортизола в крови, чтобы почувствовать себя живыми. Но они даже этого не понимают. Они как лабораторные крысы, которые бегут по кругу за кусочком сахара, пока беговая дорожка не остановится».

Ева знала это. Она чувствовала это в каждой клетке своего тела. Корпоративная система была построена на подавлении. Она высасывала из людей энергию, превращая их в биоматериал. Но в отличие от обычных людей, Ева видела механизмы этого подавления. Она изучала их. Она могла написать формулу. Формулу страха. Формулу подчинения. И она могла написать формулу освобождения.

Она молча открыла свой ноутбук и вывела на экран тот самый файл, который скопировала Лиза. Там, в скрытой вкладке, хранилась её настоящая работа. Название файла было «Проект Немезида. Версия 2.1». Это была та самая идея, которая могла перевернуть всё. Но она была не для Лизы. И не для «Авроры».

Она смотрела на Лизу, которая уже увлечённо что-то рассказывала Козлову, размахивая руками и сверкая красной помадой. Ева заметила, как расширены зрачки Лизы. Дофамин, подумала Ева. Выброс дофамина от украденной идеи. Ей это нравится. Она чувствует себя победительницей. Но Ева знала, что победа Лизы временна. Дофамин вымывается

из крови через два-три часа, и на его место придёт пустота. Или страх. Всё зависит от обстоятельств.

Ева снова сжала край стола. Теперь не от ярости, а от предвкушения. Она посмотрела на свои дрожащие пальцы и подумала: «Скоро. Очень скоро я покажу вам, что такое настоящая формула».

III. Нарастание: Кофе-брейк (12:30)

Без десяти час Ева поднялась на крышу. Здесь, в панорамном кафе «Авроры», всегда былолюдно в обеденный перерыв. Но она пришла не за кофе. Ей нужно было успокоиться. Нужно было перезагрузиться. Ветер на крыше был сильным, он трепал её волосы, которые она всегда собирала в тугий пучок, и заставлял плащ хлопать, словно знамя.

Она стояла у самого края, где стеклянное ограждение начиналось на уровне груди. Под ногами простирался город, затянутый лёгкой дымкой. Стеклянные небоскрёбы сверкали на солнце, отражая свет друг от друга, как гигантские зеркала. Вдали виднелись серые корпуса промышленных зон, а ещё дальше — синяя полоска реки. Ева взяла картонный стаканчик с кофе, который взяла у стойки, но не пила. Она просто держала его, чувствуя тепло, которое расходилось по ладоням.

Её руки почти не дрожали. «Хорошо, — подумала она. — Холодный аналитический режим включён. Парасимпатическая нервная система пришла в норму. Кортизол падает». Она знала, как её организм реагирует на стресс. Она знала это до миллиграмма на литр крови. И она знала, как этим управлять. За три года работы в «Авроре» она научилась отключать эмоции, словно переключатель. Это было её секретное оружие. Это позволяло ей не сломаться, когда всё вокруг пыталось её раздавить.

Она смотрела на город и думала о своём проекте. О формуле. Она была близка. Ей не хватало всего одного компонента, одного звена, чтобы цепочка замкнулась. И тогда... тогда она сможет доказать, что человеческие эмоции — это не тайна, а химическая реакция. Управляемая реакция. Она сможет переписать правила игры.

— Ева, — раздался голос у неё за спиной. Голос был тихим, бархатистым, с нотками фальшивой заботы. Но Ева вздрогнула. Она узнала этот голос. Это был голос Сергея Дымова. — Вы всё ещё здесь?

Она медленно обернулась. Дымов стоял в двух шагах от неё, держа в руках маленькую чашку эспresso. На нём был безупречный тёмно-синий костюм, сшитый на заказ в Мила-

не. Его рубашка была ослепительно белой, а галстук — серебристого оттенка, стоивший, наверное, всю месячную зарплату Евы. Он был высок, подтянут, с улыбкой, которая не касалась глаз. Глаза у него были стальные, холодные, с маленькими зрачками, которые сузились, когда он смотрел на неё.

— Сергей Николаевич, — произнесла Ева ровным, ничего не выражающим голосом. Она держала стакан с кофе обеими руками, словно пыталась согреться.

— Многие после стажировки уходят в стартапы, — продолжил Дымов, подходя ближе. Он встал рядом с ней, почти вплотную, и посмотрел вниз, на город. — А вы всё ещё здесь. Это... похвально. Или не очень. Как посмотреть.

Ева молчала. Она знала, что этот разговор — игра. Дымов редко разговаривал с подчинёнными просто так. Каждое его слово было продумано, как ход в шахматной партии. Она ждала удара.

— Я, кстати, посмотрел ваш последний отчёт, — сказал он, не глядя на неё, а продолжая рассматривать линию горизонта. — По теме феромонов. Любопытные наблюдения.

Ева почувствовала, как у неё пересохло во рту. Она не от-

правляла ему тот отчёт. Она отправила его Козлову, и тот обещал передать его выше. Значит, Дымов прочитал его. Внутри неё закипело странное волнение — смесь страха и надежды.

Но Дымов не дал ей высказаться. Он резко развернулся, достал из кармана пиджака планшет и ткнул пальцем в экран. Затем он протянул его Еве, развернув так, чтобы она видела текст.

— Вот, посмотрите, — сказал он, и его голос стал ледяным, потеряв всякие следы фальшивой доброжелательности. — Это ваш отчёт, да? Раздел третий, пункт 4.2. Расчёты по концентрации.

Ева взяла планшет. Она узнала свои же графики, свои же выкладки. Но когда она взглянула на них взглядом человека, который знал каждую цифру наизусть, она поняла, что Дымов что-то изменил. Он заменил некоторые параметры, подставил неверные исходные данные, и теперь расчёты выглядели абсурдными. График шёл вниз, а должен был идти вверх. Это была подделка. Грубая, топорная, но искусная.

— Сергей Николаевич, здесь ошибка, — начала Ева, но он перебил её, повысив голос так, чтобы его слышали два стажёра, которые стояли неподалёку за столиком с сэндви-

чами и смотрели на них во все глаза.

— Ошибка? — засмеялся Дымов. — Дорогая моя, это не ошибка. Это катастрофа. Ваши выводы — это опасная ересь. Если бы мы выпустили на рынок препарат на основе ваших расчётов, мы бы убивали людей. Прямо сейчас. Миллионами.

Он говорил громко, уверенно, и каждый его удар приходился прямо в сердце Евы. Она чувствовала, как краснеют уши, как по спине пробегает холодок. Она знала, что он врёт. Знала, что он специально подставил её. Но доказать это здесь, на глазах у всех, было невозможно.

— Мне кажется, — продолжил Дымов, делая паузу и в упор глядя на неё, — что вы, Ева, несколько переоцениваете свои способности. Вы — младший аналитик. Ваша задача — выполнять поручения, а не заниматься самостоятельностью, которая может стоить корпорации миллиардов. Ваши расчёты — это детский сад. А выводы... — он заглянул в планшет, — это просто бред.

Он развернулся к стажёрам. Те сидели, притихнув, с испуганными глазами. Они смотрели на Еву, как на труп, который уже начал разлагаться.

— Запомните, молодые люди, — сказал Дымов громко, почти торжественно. — Вот так не надо делать. Это — пример того, как можно загубить свою карьеру в два счёта, если не уметь считать.

Ева стояла, не шевелясь. Внешне её лицо было каменным. Она опустила плечи, словно признавая своё поражение. Она смотрела вниз, на свои туфли, которые уже давно нуждались в замене. Внутри же неё бушевала чистая, ослепительная ненависть. Это была не просто злость на Дымова. Это было более глубокое чувство. Она видела его насквозь. Видела микромимику его лица, которая выдавала его волнение. Видела, как расширились его зрачки, когда он говорил о «миллиардах». Он не верил в то, что говорил. Он просто играл роль. Он унижал её, чтобы утвердить свою власть, чтобы показать стажёрам, кто здесь главный.

Но Ева видела больше. Она видела его слабость. В его голосе, несмотря на уверенный тон, проскальзывали высокие нотки — нота страха. Он боялся её. Он боялся, что её идея сработает. Он боялся, что она станет для него конкурентом. И он хотел раздавить её, пока она не выросла.

«Сегодня вечером, — мысленно произнесла Ева, не поднимая глаз. — Сегодня вечером ты станешь первым испытуемым нулевой фазы. Я хочу посмотреть, как ты будешь пла-

кать. На моих глазах. На глазах у всех».

Она подняла глаза на Дымова. Её лицо было спокойно, как зеркальная гладь. Она даже позволила себе лёгкую, чуть заметную улыбку.

— Вы правы, Сергей Николаевич, — сказала она тихо. — Я, наверное, слишком увлеклась. Я переделаю.

Дымов на мгновение опешил. Он явно ожидал слёз, истерики, оправданий. Он привык, что его жертвы сопротивляются, и ему нравилось ломать их. Но Ева сдалась слишком легко. Это его насторожило. Но он не показал вида. Он кивнул, сунул планшет в карман и развернулся.

— Вот и славно, — бросил он через плечо. — Не опаздывайте на совет директоров. Вы нужны мне у флипчарта. Маркер держать умеете?

Он ушёл, а Ева осталась стоять у края крыши. Ветер стих, и теперь было слышно только гул города внизу. Она сделала глоток остывшего кофе и почувствовала, как дрожь в пальцах прошла окончательно. Её сменила холодная, кристальная ясность.

IV. Кульминация: Совет директоров (14:00)

Зал заседаний «Ястреб» находился на самом верхнем этаже, под самой крышей. Это было место, где решались судьбы тысяч людей, миллиардных контрактов и целых рынков. Сюда редко допускали младших сотрудников, и Ева оказалась здесь только потому, что её вызвал лично Дымов. «Ты нужна мне у флипчарта», — сказал он. Это звучало почти как насмешка.

Зал был отделан чёрным мрамором, холодным и блестящим, как лёд. Длинный овальный стол из тёмного дуба занимал центр комнаты, вокруг него стояли двенадцать массивных кресел. Воздух в зале был плотным, тяжелым от запаха дорогого парфюма и власти. На стенах не было окон, только огромные экраны, которые сейчас были погашены, и глушители сигналов на потолке, гарантирующие, что ни одно слово, произнесённое здесь, не покинет эти стены.

Ева стояла в углу, у флипчарта, с маркером в руке. Она чувствовала себя декорацией, предметом мебели. Вдоль стола сидели «тяжеловесы» «Авроры»: президент корпорации, седовласый, с орлиным носом и пронзительным взглядом человек по фамилии Бережной, вице-президенты по науке, по финансам, по развитию. Все они сидели, сложив руки на столе, и смотрели на презентацию.

Презентацию вела Лиза. Её ярко-рыжие волосы пылали на фоне чёрного мрамора, как костёр. Она говорила уверенно, плавно жестикулируя, и каждый её жест был отрепетирован до миллиметра. Она была в своей стихии. Она рассказывала о проекте «Немезида» — новом антидепрессанте, который должен был стать прорывом и принести корпорации миллиарды прибыли. Ева слушала её и поражалась, как Лиза смогла за такой короткий срок так хорошо изучить материалы. Она явно потратила не одну ночь, чтобы освоить тему. Но Ева знала, что глубинного понимания у Лизы нет. Она знала, что Лиза просто повторяет чужие слова, чужие расчёты.

На десятой минуте презентации произошло то, что должно было произойти. Графики, которые выводились на огромный экран, начали падать. Это было видно невооружённым глазом. Кривая эффективности, вместо того чтобы расти, резко пошла вниз, а кривая побочных эффектов — агрессии, раздражительности, психоза — взмыла вверх, как ракета.

— Что это? — президент Бережной резко поднял голову. Его голос был тихим, но в нём звенел металл. — Лиза, объясните.

Лиза замаялась. Её лицо побледнело, алые губы дрогнули. Она лихорадочно защёлкала по планшету, пытаясь найти ошибку, но её руки дрожали, и она ничего не могла сделать.

— Это... это временная аномалия, — выдавила она из себя. — Мы не учли индивидуальную восприимчивость... но это легко скорректировать...

— Легко? — переспросил Бережной. — Вы только что сказали, что препарат готов к производству. А теперь вы говорите об индивидуальной восприимчивости, которая превращает людей в монстров?

В зале повисла гробовая тишина. Ева смотрела на экран, где показатели агрессии всё ещё росли. Она знала, что этот сбой был неизбежен. Она знала это, ещё когда Лиза воровала её идеи. Она знала, что в основу расчётов были заложены неверные данные, и что рано или поздно это вылезет наружу. Но она не ожидала, что это произойдёт так эффектно, на глазах у всего совета директоров.

И тут Дымов повернулся к ней. Все в зале повернулись за ним. Ева почувствовала, как все взгляды устремились на неё, маленькую, незаметную фигуру у флипчарта.

— Ева, — произнёс Дымов, и в его голосе звучала злая издевка. Он улыбался, но глаза его были холодны. — А вот наш младший аналитик утверждает, что наши модели неверны. Она, знаете ли, занимается самодеятельностью. Может,

выйдете сюда, покажете класс? Или ваш максимум — носить кофе?

Ева медленно подняла глаза. Она видела лица членов совета. В них не было сочувствия. В них был лишь интерес — интерес к тому, как Дымов раздавит очередную муху. Она знала эту игру. Он хотел, чтобы она оправдывалась. Хотел, чтобы она вышла к доске и начала доказывать, что она не дура, тем самым признав, что проект провален. Это была ловушка.

Ева шагнула вперёд. Она взяла маркер и подошла к флип-чарту. Но вместо того чтобы начать оправдываться, она вдруг замерла. Она смотрела на Дымова, который стоял в двух шагах от неё. И тут она заметила то, что не замечала раньше, в суете совещания. Микромимика. Дёрнулось левое веко. Пульс на шее бился быстрее обычного. Зрачки расширены, несмотря на яркий свет экрана. И по тому, как он стоял, чуть напряжённо, словно готовый к прыжку, Ева поняла: он нервничает. Он не просто играет роль. Он боится. Боится, что она скажет правду. Боится, что она разрушит его план, его карьеру, его статус.

Ева вдруг почувствовала странное, почти извращённое удовольствие от своего унижения. Она стояла перед ними, с маркером в руке, маленькая, невзрачная, в своём старом

плаще, и смотрела на них, как учёный смотрит на крыс в лабиринте. Она видела их страхи. Она видела их химию. И она могла управлять ими.

— Я не буду оправдываться, — сказала Ева тихо, но твёрдо. — Я просто покажу вам, как должна выглядеть настоящая модель.

Она повернулась к доске и начала быстро писать формулы. Это были те самые формулы, которые она вывела в своей лаборатории ночью. Те самые, которые она никому не показывала. Она писала их без ошибок, с идеальной точностью, и в зале повисла глубокая, ошеломлённая тишина.

Члены совета смотрели на неё. Кто-то приподнялся в кресле, кто-то переглянулся. Дымов замер, сжав челюсти. А Лиза смотрела на Еву с ненавистью, которая исказила её красивое лицо.

Ева дописала последнюю формулу и повернулась к ним. Она не улыбалась. Её лицо было таким же пустым и бледным, как лицо фарфоровой куклы.

— Вот, — сказала она, бросив маркер на стол. — Это реальная модель. С ней ваш препарат сработает. Но, как я понимаю, это уже никому не нужно.

Она развернулась и пошла к двери, оставляя за спиной гул голосов и ошеломлённое молчание. Дымов смотрел ей вслед, и его глаза метали молнии.

V. Развязка: Вечер (19:00)

Офисные крылья «Авроры» к семи вечера пустели. Огни гасли, кондиционеры переходили в экономичный режим, и в коридорах устанавливалась та особенная, глубокая тишина, которую можно услышать только в больших зданиях после рабочего дня. Гул серверов за фальш-стенами становился фоном, ритмичным и успокаивающим.

Ева осталась, сославшись на то, что ей нужно «разобрать архив». Это было её стандартное оправдание. У неё был доступ уровня младшего персонала ко всем кабинетам после 18:00, и этим она пользовалась уже не раз. Но сегодня у неё была другая цель.

Она прошла по пустому коридору на пятый этаж, где располагался кабинет Дымова. Дверь была закрыта, но Ева знала, что охранник уже ушёл, а система безопасности ночью работает по упрощённой схеме. Она приложила свой пропуск к считывателю, и дверь бесшумно открылась.

Кабинет Дымова был огромен. Здесь пахло дорогим деревом и кожей. Стекланные стены выходили на ночной город, который сверкал огнями внизу. На столе стоял массивный монитор, рядом — серебряное пресс-папье в виде орла. Всё здесь говорило о власти и деньгах.

Ева остановилась в центре кабинета. Она посмотрела на кожаное кресло, на массивную ручку двери. Её руки больше не дрожали. Они двигались с хирургической точностью. Она достала из сумки стеклянный атомайзер, такой маленький, что его можно было спрятать в кулаке. Внутри него плескалась бесцветная жидкость. Запаха у неё не было. Ева знала, что формула пока нестабильна, что она требует прямого контакта с кожей. Поэтому она должна была нанести вещество туда, где Дымов точно коснётся его руками.

Она распылила жидкость на ручку двери. Мельчайшие капли осели на холодном металле, не оставляя следов. Затем она подошла к креслу и аккуратно опрыскала ткань подлокотников, а затем и верхнюю часть спинки, туда, где обычно ложится шея. Она знала, что через четыре часа концентрация вещества в крови достигнет пика. Ровно к утреннему брифингу. Она хотела увидеть, как самоуверенный вице-президент начнёт плакать или ползать перед советом, умоляя о снисхождении. Не ради карьеры. Ради науки. Ради того, чтобы доказать себе и миру, что человек — это просто

набор химических реакций, которые можно изменить.

Она спрятала атомайзер в карман плаща. В кабинете было тихо. Она стояла и смотрела на своё отражение в тёмном мониторе. Её собственное лицо казалось ей незнакомым — пустым и бледным, как фарфор. Она увидела себя словно со стороны. Фарфоровая кукла в этом стеклянном доме, которая медленно, но верно начинает свой танец.

Она выключила свет. В темноте кабинета горели только огни города за стеклом. Она вышла, закрыв за собой дверь, и пошла к лифту. Её шаги гулко разносились по пустому коридору.

VI. Крючок для следующей главы

Ева вышла из здания. На улице моросил мелкий, противный осенний дождь. Влажный воздух смешивался с запахом асфальта и выхлопных газов. Она подняла голову к небу, подставив лицо холодным каплям. Дождь смывал остатки косметики, которой на ней почти не было. Смывал усталость. Смывал следы дня, полного унижений и тихой ненависти.

И она впервые за день искренне улыбнулась. Это была не улыбка человека, который только что совершил нечто ужас-

ное. И не улыбка победителя. Это была улыбка человека, который наконец-то увидел ясность. Который сделал шаг вперёд, туда, откуда нет пути назад. Её улыбка была спокойной, почти безмятежной, и от этого она казалась жуткой.

Мимо проходил мужчина в плаще с поднятым воротником. Он шёл, опустив голову, прячась от дождя. Он случайно поднял глаза и увидел Еву. Увидел её улыбку, такую странную, такую неуместную под этим серым, дождливым небом. На его лице появился испуг. Он шарахнулся в сторону, словно увидел призрака, и быстро зашагал прочь, почти переходя на бег.

Ева смотрела ему вслед. Её улыбка стала чуть шире. Она знала, что это только начало.

Она достала из кармана кулон с пробиркой, которую носила на шее, и поднесла его к свету уличного фонаря. Внутри плескалась та же самая обычная вода. Но теперь она казалась Еве символом чего-то большего. Чистой, прозрачной, незаметной, но способной изменить всё.

Она опустила кулон обратно под плащ и пошла в дождь, не оглядываясь. Где-то там, в одной из квартир старого района, её ждала лаборатория. Ждала работа. Ждала формула, которая ещё не была дописана до конца.

Город сверкал огнями, не подозревая, что в его самом сердце только что начался эксперимент.

Глава 2. Тайная лаборатория в гараже.

Прорыв: синтезирован первичный катализатор на основе гормонов насекомых-падальщиков

Эпиграф: «Мертвые учат живых эффективнее, чем живые — друг друга».

I. Переход и контраст (19:30 – 20:00)

Такси остановилось у въезда в гаражный кооператив «Рассвет-4». Ева расплатилась с водителем, не глядя на сдачу. Он что-то буркнул насчёт дождя и погоды, но она уже открыла дверцу и шагнула в сырую осеннюю муть, даже не попрощавшись. Водитель пожал плечами и уехал, оставляя за собой шлейф выхлопных газов, который тут же растворился в мокром воздухе.

Здесь было нечто противоположное тому стеклянному раю, который она оставила за спиной сорок минут назад.

Городские спальные районы живут своей жизнью — серой, неприглядной, но честной. Она шла по асфальту, изъеденному ямами и рытвинами, мимо облупившихся панельных пятиэтажек, в окнах которых уже горел жёлтый тёплый свет. Где-то лаяла собака, где-то из приоткрытой форточки доносился запах жареной картошки и музыка старого радио. Здесь не было стерильности. Здесь была жизнь — грубая, жирная, настоящая.

Ева свернула за угол. Кооператив «Рассвет-4» представлял собой бесконечные ряды металлических гаражей-ракушек, выстроившихся в идеальные, но уже потрескавшиеся геометрические линии. Дождь моросил не переставая, и капли барабанили по ржавым крышам, создавая однообразный, успокаивающий шум. Воздух здесь был тяжёлым, густым, пропитанным запахом машинного масла, прогорклого бензина, прелой листвы и сырого бетона. Это был запах умирающего индустриального мира. И Ева любила его.

Она остановилась у бокса №14. Вывеска, когда-то белая, теперь пожелтевшая и потрескавшаяся, гласила: «Автосервис. Ремонт ходовой. Заезд сзади». Всё это было ложью. Никто не ремонтировал здесь ходовую уже десять лет.

Ева вытащила из кармана старенький брелок сигнализации, потёртый до блеска, и нажала на неприметную кноп-

ку, расположенную на обратной стороне. Где-то внутри гаража щёлкнул замок, и рольставни с лёгким скрежетом начали подниматься. Она быстро нырнула внутрь, и створки тут же опустились за ней, возвращая её в привычную темноту.

Внутри бокса пахло пылью, сухим деревом и забытым железом. Центральное место занимал старый «Москвич-2140» цвета «уставший беж». Он стоял на кирпичах, покрытый толстым слоем пыли и брезентовым чехлом, который когда-то был зелёным, а теперь посерел и истлел по краям. Ева провела рукой по капоту. Под пальцами осталась дорожка чистой, блестящей краски. Она делала это каждый день. Этот ритуал стал для неё чем-то вроде приветствия.

Машина не заводилась десять лет. Аккумулятор был снят и продан на металлолом ещё в первый год. Вместо двигателя внутри стояла тяжеленная стальная плита, закреплённая сваркой. Всё это было сделано не для красоты. Плита компенсировала вес подземной конструкции и маскировала то, что под днищем автомобиля находилась не обычная яма для осмотра ходовой, а платформа грузового лифта, уходящая на три метра вниз.

Ева подошла к «Москвичу» сзади, опустилась на колени и нащупала пальцами едва заметный зазор между бетонным полом и днищем автомобиля. Она ввела код на брелоке

в крошечный дисплей, который появлялся только при подсветке. Задний борт машины бесшумно опустился, открывая спуск. Платформа лифта была шириной ровно в метр, на ней лежал старый, истёртый коврик с надписью «Юбилейный», который Ева купила в хозяйственном магазине. Она шагнула на платформу, нажала кнопку на стене, и лифт бесшумно ушёл вниз.

Пол метра. Метр. Два. Три.

Она стояла в тесной шахте, и стены вокруг неё были сырыми, с бурыми пятнами старой гидроизоляции. Запах машинного масла исчез, уступив место запаху земли и бетона. Но по мере того, как лифт опускался, Ева чувствовала, как воздух меняется. Он становился чище, суше, и в нём появлялся тот самый, знакомый до боли запах — запах йода, спирта и озона, который исходил от работающего лабораторного оборудования. Она закрыла глаза и вдохнула полной грудью. Дома.

Лифт остановился. Ева шагнула вперёд, и створки за ней бесшумно сомкнулись, отрезая её от мира. Теперь она была там, где была по-настоящему нужна.

II. Истинное пространство силы (20:05)

Подземная лаборатория была размером три на шесть метров — крошечный подземный бункер, который Ева создавала в течение четырёх лет, по кирпичику, по кабелю, по пробирке. Стены были обшиты листами свинца толщиной в пять миллиметров. Это была не параноя. Это была необходимость. Корпоративные дроны с тепловизорами и радарам прочёсывали этот район раз в квартал, и свинцовая обшивка делала лабораторию невидимой, как гробница фараона. Ева знала, что Бережной не поскупился бы на тотальную слежку за своими сотрудниками, но даже у него не хватало ресурсов проверять каждый подвал в радиусе сотни километров. Поэтому её убежище было безопасно.

Помещение было разделено на несколько зон. Слева от входа стояла массивная серверная стойка, собранная из списанных банкоматов, которые она купила за бесценок на интернет-аукционе. Внутри неё гудели кулеры, разогнанные до предела, и бежали сложные нейросетевые модели, которые она писала сама, на языке, который придумала ещё в институте. Справа — рабочий стол, весь в пятнах реактивов и ожогах, с двумя мониторами, один из которых постоянно транслировал графики ферментативной активности, а другой — скрытое видео с камер, установленных в её рабочем опенспейсе на тринадцатом этаже «Авроры». Ева знала, что за

ней могут следить. Она хотела видеть тех, кто за ней следит.

В центре лаборатории стоял главный объект её гордости — термостат-инкубатор старого советского образца, переделанный ею до неузнаваемости. Это был огромный металлический шкаф, внутри которого было установлено восемь герметичных контейнеров, поддерживающих строго определённую температуру и влажность. Там, в темноте и тепле, копошились миллионы крошечных жизней. Личинки жуков-могильщиков (*Nicrophorus vespillo*) и мясные мухи (*Calliphora vicina*). Ева разводила их уже два года, постоянно обновляя колонию, чтобы получить идеально однородный биологический материал.

Над термостатом висела единственная лампа дневного света, и в её голубоватом, холодном сиянии лаборатория выглядела как операционная. Но самым идеально чистым местом здесь был ламинарный шкаф — небольшой стеклянный бокс, где воздух проходил через систему фильтров, создавая зону абсолютной стерильности. Внутри шкафа стояли чистые пробирки, чашки Петри, наборы микропипеток. Ева подошла к нему и провела пальцем по стеклянной стенке. Ни пылинки. Идеально.

В углу лежал старый матрас с подушкой и тёплым одеялом. Иногда, когда работа затягивалась до утра, Ева не под-

нималась наверх. Она спала здесь, в этом тесном, свинцовом гробу, под гул вентиляции и писк приборов. И это был лучший сон в её жизни.

III. Процесс сбора сырья (20:10 – 20:45)

Ева переделалась в рабочий халат. Он был старым, с прожжёнными рукавами и пятнами, которые уже не отстирывались. Надеть его было для неё тем же, что для священника — надеть ризу. Она включила ультрафиолетовую лампу над ламинарным шкафом на полчаса — стерилизация перед началом работы. Затем, когда лампа погасла, она открыла термостат.

Оттуда пахло чем-то сладковато-гнилостным, приторным, как запах перезревших фруктов. Ева задержала дыхание, но не от отвращения. Она просто привыкла беречь своё обоняние для более тонких оттенков. Внутри, в пластиковых контейнерах, копошились сотни личинок и несколько взрослых жуков-могильщиков. Они были чёрными, с блестящим хитином, и деловито перебирали своими мощными челюстями кусочки питательной среды, которую она готовила из желатина, сахара и кристаллического пептона. Жуки не издавали звуков. Они просто работали.

Ева взяла пинцет, с острыми кончиками, и аккуратно извлекла одного взрослого жука. Он был размером с полтора сантиметра, с мощными надкрыльями и антеннами, которые постоянно двигались, обнюхивая воздух. Она положила его в чашку Петри, накрыла стеклянным колпаком и включила подачу углекислого газа. Жук замерцал, забеспокоился, а затем обмяк. Ева подождала три минуты, пока он полностью не потеряет подвижность, а затем приступила к вскрытию.

Она работала быстро и точно. Маленькими ножницами она отсекла голову, затем аккуратно, под бинокулярным микроскопом, вскрыла хитиновый покров грудного отдела. Там, среди полупрозрачных тканей, виднелись железы — комочки оранжево-жёлтого цвета. Это были проторакальные железы, которые выделяли ювенильный гормон. Ева извлекла их пинцетом и опустила в пробирку с физиологическим раствором. Затем — брюшные железы, чуть темнее, они вырабатывали гормон созревания. Она собрала их отдельно.

Всё это напоминало ювелирную работу. Ева не пользовалась перчатками, когда это было возможно. Ей нужно было чувствовать ткани пальцами. Так она могла отличить здоровую железу от больной по одной лишь текстуре. Она делала это сотни раз и довела процесс до автоматизма. Её руки двигались с грацией хирурга, который двадцать лет стоит у

операционного стола.

— Ключ должен быть биологическим, — прошептала она себе под нос, когда извлекла последнюю железу. — Несинтезированным. Живым.

После жуков она перешла к более кропотливой части. Она взяла пробирку, в которой лежала замёрзшая крыса. Это был донор. Лабораторная крыса линии Wistar, которую она вывела в прошлом году от контрольной группы. Крыса умерла естественной смертью три дня назад, и всё это время лежала в холодильнике при строго контролируемой температуре. Ева разморозила её под тёплой водой, пока ткани не стали мягкими и податливыми. Затем она положила тушку на вскрывочный столик.

Скальпель. Лёгкий, почти невесомый. Ева сделала тонкий, аккуратный надрез у основания черепа, прошла между позвонками, и обнажила бледно-розовый, с прожилками сосудов, гипофиз. Она извлекла его целиком, стараясь не повредить капсулу, и поместила в отдельную чашку Петри с питательной средой. Гипофиз крысы был идеальным носителем. Он содержал все необходимые ростовые факторы и нейропептиды, которые могли активировать ювенильный гормон падальщиков, создавая уникальный симбиоз.

— Мёртвые учат живых лучше, чем живые — друг друга,
— повторила она эпиграф, который сама же и написала на стене лаборатории чёрным маркером.

Она закончила с препарированием и убрала инструменты в ультразвуковую мойку. Теперь всё было готово к синтезу.

IV. Синтез: первая фаза (20:50 – 21:30)

Сборка реактора была ритуалом, почти медитацией. Ева достала из шкафа стеклянный реактор объёмом в литр — круглодонную колбу с тремя горлышками, соединённую с обратным холодильником, системой подачи инертного газа и капельной воронкой. Всё это она купила за копейки на «Алиэкспрессе» и доработала своими руками. Соединения были герметизированы не дорогими притирами, а обычным силиконом из тюбика, который продавался в любом хозяйственном магазине. Дешёво, ненадёжно, но Ева знала каждый миллиметр этой системы, каждое слабое место.

Она начала с растворения экстракта проторакальных желез в диметилсульфоксиде. Жидкость стала мутно-белой. Она помешала магнитной мешалкой три минуты, затем добавила буферный раствор с рН 7.4, чтобы создать физио-

логические условия. Затем — экстракт из гипофиза крысы. Она впрыскивала его по каплям, медленно, очень медленно, по одной капле каждые двадцать секунд. Раствор в колбе начал менять цвет — из мутно-белого он стал бледно-жёлтым.

Ева включила обогрев. Температура должна была подняться ровно до тридцати семи градусов, не больше, не меньше. Она знала, что если нагреть до сорока, ювенильный гормон начнёт разрушаться. Если оставить при двадцати пяти — реакция не начнётся совсем. Поэтому она сидела рядом с реактором, держа палец на кнопке термостата, и следила за термометром с точностью до десятой доли градуса.

— Давай, — прошептала она, глядя, как в колбе начинают закручиваться мелкие пузырьки. — Созревай.

Система вентиляции гудела на пределе. Ева заранее проверила все фильтры, но пары диметилсульфоксида всё равно просачивались в воздух, придавая ему сладковатый, немного ядовитый привкус. Она надела респиратор, но он не помогал, она чувствовала этот вкус на языке, и её глаза начали слезиться.

Процесс шёл медленно. Каждые пять минут Ева брала пробу из реактора, капала на полоску индикаторной бумаги и проверяла pH. Он должен был держаться строго на уровне

7.2. Любое отклонение — и вся работа пошла бы насмарку.

На сороковой минуте реакции произошло то, чего она не ожидала. Стеклянная трубка охлаждения, та самая, которую она прикрутила ещё в прошлом году, лопнула. Сначала по ней пошли мелкие трещины, а затем она разлетелась на три части, брызнув осколками во все стороны. Капли раствора, который кипел в колбе, выплеснулись наружу и попали на тыльную сторону её ладони.

Ева охнула. Это была не боль — это был шок. Жидкость была горячее, она обжигала кожу, проникая в поры. Ева замерла на мгновение, потом, не раздумывая, схватила другой рукой секундомер, висевший на шее, и нажала кнопку. Она посмотрела на часы, запомнила время, затем, только затем, схватила со стола бутылку с гидрокарбонатом натрия и плеснула себе на руку. С шипением щёлочь нейтрализовала остатки кислоты. Боль стала сильнее, но Ева зажала челюсть и не издала ни звука. Она знала, что если реакцию не стабилизировать сейчас, весь синтез будет испорчен.

— Продолжаем, — сказала она себе сквозь зубы. — Концентрация донора должна выровняться через семь минут. Нам нужно впрыснуть ингибитор протеазы. Немедленно.

Она работала одной рукой, другой сжимая локоть, чтобы

остановить кровоток и уменьшить отёк. Она нашла пробирку с ингибитором, вскрыла её зубами, потому что правая рука уже начинала неметь, и влила содержимое в реактор. Затем она схватила пластиковый зажим и пережала трубку подачи газа, чтобы давление не разорвало колбу окончательно. Через три минуты реакция стабилизировалась. Жёлтый раствор снова стал однородным.

Только тогда она опустилась на стул и сняла респиратор. Её лоб был мокрым от пота, дыхание тяжело вырывалось из груди. Она посмотрела на руку. Там, где капли попали на кожу, уже начал образовываться мелкий пузырчатый ожог. Она нашла мазь с пантенолом, нанесла толстым слоем, перевязала бинтом. Затем снова встала, поправила халат и продолжила.

Боль не мешала ей — она обостряла восприятие. Она чувствовала, как каждое нервное окончание на руке пульсирует в такт сердцу, и это помогало ей лучше чувствовать ритм реакции. Она видела, как в колбе начинают зарождаться первые кристаллы — крошечные, едва различимые, но уже правильной ромбовидной формы. Первичный катализатор начинал кристаллизоваться.

Она подошла к ламинарному шкафу, взяла стеклянную палочку и осторожно помешала раствор. Кристаллы стали

крупнее, оседая на дно. Ева выключила обогрев и дала колбе медленно остыть, погрузив её в водяную баню с комнатной температурой.

— Первая фаза завершена, — произнесла она вслух, записывая показания секундомера в журнал. — Кристаллизация идёт по плану. Ожог — внесён в протокол как нештатная ситуация.

V. Теоретический прорыв (21:35)

Ева сидела перед спектрометром — ещё одним чудом инженерной мысли, который она собрала из запчастей, купленных на радиорынке. Прибор был громоздким, шумным и постоянно требовал калибровки, но он давал ей то, что не мог дать никто другой — точную картину молекулярного состава её раствора. Она смотрела на ломаную линию графика, которая медленно ползла по экрану, и чувствовала, как внутри неё нарастает напряжение.

До этого момента она работала с классической схемой. Ювенильный гормон падалыщиков плюс адреналин донора. Но эта схема была уязвима. Адреналин — это маркер. Его легко обнаружить в крови, он слишком быстро разрушает-

ся и оставляет следы. Если бы она использовала этот катализатор на Дымове, корпоративные токсикологи нашли бы остатки адреналина в его крови уже через шесть часов. Это было бы прямым доказательством вмешательства. Её бы вычислили за один день.

Она смотрела на график и думала. Ей нужен был другой путь. Не адреналин. Не страх. Ей нужна была сама структура распада.

— Если я заменю адреналиновый каскад на синтетический аналог ювенильного гормона падальщика, — бормотала она, водя пальцем по экрану, — катализатор станет самодостаточным. Он не будет требовать внешнего донора. Он заставит нервную систему реципиента вырабатывать нужный психотропный отклик самостоятельно. Имитация естественной гормональной бури.

Она перелистнула страницу в своём мозгу, как в книге. Синтетический аналог. У неё уже были наработки. Она синтезировала несколько вариантов, но все они были нестабильны. Они требовали слишком высокой температуры для активации, или разрушались при контакте с воздухом. Но если она добавит к ним экстракт гипофиза, который содержит нейропептиды, распад замедлится. Срок жизни катализатора увеличится с двух часов до двенадцати.

— И тогда, — она поднесла палец к экрану, туда, где линия графика начинала резко уходить вверх, — это перестанет быть оружием прямого действия. Это будет ключ-отмычка. Вирус манипуляции. Он не убьёт, он просто изменит настройки. Навсегда.

Ева откинулась на спинку стула и закрыла глаза. В голове шумело от идей. Она представила, как этот катализатор, попадая в кровоток, связывается с рецепторами в гипоталамусе. Он имитирует сигнал тревоги, но не через внешнюю угрозу, а через внутреннюю биохимию. Реципиент начинает испытывать страх, панику, подавленность, даже не понимая, откуда это взялось. Его мозг сам создаст нужный сценарий. У него не будет врага, кроме собственного тела. Идеальное оружие. Незаметное. Неотслеживаемое.

Она открыла глаза и посмотрела на колбу, где в остывающем растворе уже виднелись крупные кристаллы. Это была не просто формула. Это была новая реальность. Теперь она могла не просто изучать химию страха — она могла его создавать. С нуля.

VI. Синтез: вторая фаза и рождение катализатора (21:40)

Ева взяла пипетку и аккуратно, по капле, начала впрыскивать экстракт из гипофиза и желез насекомых в основной котёл — большую колбу, которая стояла на магнитной мешалке. Процесс требовал абсолютной концентрации. Каждая капля должна была попасть в строго определённую точку раствора. Если капнуть слишком быстро, начнётся неконтролируемая экзотермическая реакция. Если слишком медленно — катализатор не кристаллизуется должным образом.

Ева выбрала скорость. Двадцать капель в минуту. Она сидела неподвижно, опершись локтями о стол, и смотрела, как капли падают в мутно-жёлтую жижу, как они расходятся кругами, как цвет начинает меняться.

И вот, на сороковой капле, произошло чудо. Жидкость, которая была мутно-жёлтой, вдруг стала прозрачной. Полностью прозрачной. Это была не вода. Вода была жидкой и подвижной, а эта жидкость казалась тяжёлой, маслянистой, она стекала по стенкам колбы медленно, как мёд. И в ней появился странный, едва уловимый опалесцирующий блеск — перламутровый, переливающийся, как свет на мыльном пузыре. Жидкость словно светилась изнутри.

— Да, — прошептала Ева. — Да!

Она нажала кнопку, остановив мешалку. Колба стояла неподвижно, и в центре её, на самом дне, начали оседать кристаллы. Сначала они были мелкими, как песок, но постепенно, минута за минутой, они собирались в более крупные ромбовидные структуры, правильные, почти идеальные. Это был первичный катализатор. Стабильный при комнатной температуре. Инертный до контакта с нейромедиаторами млекопитающих.

Ева взяла чистую палочку и подцепила один кристалл. Он был размером с рисовое зернышко, прозрачный, с едва заметным голубоватым отливом. Она положила его на предметное стекло и накрыла покровным. Под микроскопом он выглядел как идеально огранённый бриллиант. Правильная решётка. Никаких примесей. Идеальный продукт.

— Тестирование, — сказала она.

Она взяла кусочек свежего мяса, которое лежало в холодильнике для контрольных опытов, и капнула на него микроскопическую дозу раствора. Мясо лежало на стеклянной пластинке, и Ева смотрела на секундомер.

Прошло десять секунд. Ничего. Пятнадцать. Двадцать. Но на двадцать второй секунде поверхность мяса начала тем-

нет. Коричневые пятна расползались от центра к краям, ткани набухали, становились рыхлыми. Это была имитация начала некроза. Искусственное разложение. Процесс, который в обычных условиях занял бы несколько часов, запустился за двадцать две секунды.

Ева отложила мясо и записала результат. 22 секунды. Это было вдвое быстрее её предыдущих попыток.

— Работает, — прошептала она. — Работает.

VII. Человеческий фактор и этическая граница (22:20)

Она стояла над колбой, не в силах оторвать взгляд от кристаллов, когда в двери гаража раздался стук.

Ева замерла. Сердце пропустило удар, но она не позволила себе паники. Она медленно повернулась к панели управления, где висел чёрно-белый монитор, транслирующий изображение с камеры, установленной над въездом. На экране маячила грузная фигура. Михалыч. Старый сторож гаражного кооператива, который сидел в своей каморке на въезде и пил чай с вареньем.

Ева вздохнула. Она знала, что он иногда ходит по ночам, проверяет, всё ли закрыто, не завелись ли бомжи, не сторел ли какой-нибудь бокс. Обычно он обходил её гараж стороной, потому что считал его «брошенным», но сегодня, видимо, что-то привлекло его внимание.

Она выключила свет в центральной части лаборатории, оставив только тусклое сияние мониторов. Быстро накрыла колбу чёрной тканью, чтобы кристаллы не сверкали, и поднялась наверх по лестнице, которая шла параллельно лифту. Она вышла через заднюю дверь, которую никто не знал, обошла гараж и появилась перед Михалычем, делая вид, что только что пришла из магазина.

— Чего стучишь, Михалыч? — спросила она, стараясь говорить ровно, хотя голос чуть дрожал.

Михалыч был седым, с мясистым лицом и вечно заплавленными глазками. Он курил беломорину и жаловался на жизнь. Сегодня он был в расстроенных чувствах.

— Ева, ты? А я думал, воры. Смотрю, свет горит. А у тебя, глядишь, проводка старая. Опять по запаху? Химозный запах такой, аж нос щиплет. Ты там резину, что ли, варишь?

Ева улыбнулась. Она знала, что он не поверит ни в какую

резину, но он был слишком ленив, чтобы копать глубже.

— Сосед попросил аккумулятор зарядить, — соврала она.
— Там кислота немного пролилась. Я проветриваю.

— Ну-ну, — проворчал Михалыч. — Ты смотри, там если электролит разольёшь, весь пол прожжёшь. А у меня, Ева, ноги болят. Суставы. Врачи там аспирин только выписывают. Ты, я слышал, химик. Может, есть у тебя что посильнее? А то спать не могу, сводит.

Ева смотрела на него. В его глазах была мольба, обычная стариковская мольба о спасении от боли. Он не знал, что на неё смотрит. Он не знал, что за её спиной, в трёх метрах под землёй, лежит катализатор, который может не только убить боль, но и стереть личность. Искушение было невероятно сильным. Один укол. Один тест вне лаборатории. Никто не найдёт тело в закрытом гараже. Спишут на сердечный приступ. Идеальный эксперимент.

Ева задумалась на секунду. Она представила, как кристалл, растворённый в воде, попадает в его кровь. Как ювенильный гормон связывается с его рецепторами. Как его мозг начинает вырабатывать адреналин и кортизол, создавая иллюзию страха, который убьёт его быстрее, чем инфаркт. Идеально. Никто не заподозрит.

Но она посмотрела в его глаза. Старые, выцветшие, с красными прожилками. В них была надежда. Он доверял ей, потому что она была «девушка из гаража», которая чинит аккумуляторы. И это доверие было таким же сильным, как её любопытство.

Ева взяла с полки самую обычную аптечку, достала блистер с ибупрофеном и протянула ему.

— Михалыч, — сказала она твёрдо, — ибупрофен примите, он снимет воспаление. Я завтра принесу нормальную мазь для суставов. Заходите утром, скажете, как себя чувствуете.

Михалыч удивился, но взял блистер, сунул его в карман ватника и, ворча, пошёл обратно к своей каморке.

Ева закрыла за ним дверь гаража и опустилась на лифте обратно в лабораторию. Она села на стул и посмотрела на колбу с кристаллами. Её руки дрожали.

«Рано, — подумала она. — Нужны данные о метаболизме кортизола. Ты мне нужен живым, Михалыч. Ты нужен мне для контроля».

Она провела рукой по лицу и взяла журнал наблюдений. Открыла чистую страницу и записала дату. 22:20. «Искушение. Экспериментатор отказался от использования человеческого субъекта вне протокола. Причина: недостаток данных. Вывод: контрольная группа необходима».

VIII. Первый контакт (22:30)

Ева сидела за столом, глядя на кристалл, который лежал в герметичной ампуле. Она держала его в руках, взвешивала на ладони. Он был лёгким, почти невесомым, но в нём была сила, способная изменить мир. Или разрушить его.

— Добровольцев нет, — сказала она себе. — Но тестовый стенд есть.

Она взяла инсулиновый шприц, самый маленький, с иглой толщиной с волос. Набрала 0.1 миллилитра физиологического раствора, добавила туда один кристалл, подождала, пока он полностью растворится. Раствор стал прозрачным, но в нём появился тот же перламутровый отлив, что и в колбе. Она посмотрела на раствор на свет. Он был абсолютно чистым. Никаких взвесей. Никаких примесей.

Ева обработала своё предплечье спиртовой салфеткой. Кожа была бледной, с синими венами, которые просвечивали сквозь тонкую кожу. Она взяла шприц и, не колеблясь, ввела иглу под кожу. Прокол был почти безболезненным. Ева медленно нажала на поршень, впрыскивая раствор в подкожную клетчатку.

— Ноль, — сказала она себе, нажимая на кнопку секундомера. — Пошло.

Первые шестьдесят секунд ничего не происходило. Она стояла неподвижно, глядя на место укола. Кожа была чистой, без покраснений.

На семьдесят третьей секунде у неё во рту появился металлический привкус. Как будто она разжевала фольгу. Ева знала этот вкус. Это был вкус адреналина, который выбросился в кровь.

На восьмидесятой секунде её зрачки расширились. Она почувствовала, как мир вокруг неё меняется. Звуки стали отчётливее, разделились на чистые частоты. Гул трансформатора за стеной — низкая нота, шум дождя за потолком — средняя, биение собственного сердца — бас. Она могла различить каждую из них, как ноты в аккорде.

Кожа стала невероятно чувствительной. Она чувствовала движение воздуха на руке, как будто её предплечье было обнажено и каждая клетка дышала. Она смотрела на свои пальцы и видела, как под кожей движется кровь. Эйфория захлестнула её, не эмоциональная, а чисто физиологическая, основанная на дофамине. Она чувствовала, что её мозг работает быстрее, чем когда-либо. Мысли проносились ясные, чёткие, как фотографии.

Она посмотрела в зеркало, которое висело в углу лаборатории. Её лицо светилось изнутри нездоровым румянцем. Глаза были чёрными, зрачки заняли почти всю радужку. Она выглядела как одержимая, как фарфоровая кукла, в которую вселился дух. Она смотрела на себя и не видела Еву. Она видела идеальный инструмент. Оружие. Машину.

Побочный эффект не заставил себя ждать. На месте укола кожа побледнела, стала мраморной, холодной, как будто кровь перестала поступать в эту область. Это был локальный некроз — временный, но пугающий. Ева дотронулась до этого места пальцем. Оно было ледяным.

— Зафиксировано, — произнесла она, шатаясь, но не падая. — Побочный эффект: локальная вазоконстрикция. Предположительно — обратимый.

IX. Фиксация данных и символизм (22:45)

Она подошла к столу и открыла кожаный переплёт. Это был журнал наблюдений, который она вела всё это время. На обложке потёртой кожей была выжжена буква «N» — первая буква проекта «Немезида». Ева перевернула несколько страниц и нашла ту, что была чистой. Она взяла клей-карандаш и аккуратно наклеила на бумагу первый добытый кристалл катализатора. Он блестел на пожелтевшей бумаге, словно драгоценный камень.

Рядом она вывела формулу. Строго, аккуратно, без помарок. И подписала: «Первичный катализатор. Гормональная основа — ювенильный гормон *Nicrophorus vespillo* + экстракт гипофиза крысы Wistar. Стабилен. Требуется тестирования *in vivo*».

Она поставила дату. Сегодняшнее число. И добавила на полях карандашный рисунок — кулон-пробирку, тот самый, что висел у неё на шее. Она носила его три года, и всё это время в нём была просто водопроводная вода. Теперь она знала, чем его наполнить. Этот кулон станет переносным резервуаром её катализатора. Амулетом. Талисманом смерти.

Она закрыла журнал и спрятала его в металлический сейф, который стоял в углу лаборатории. Затем она подошла к зеркалу и ещё раз посмотрела на себя. Зрачки сужались, возвращаясь к нормальному размеру. Кожа на руке начинала согреваться. Действие катализатора сходило на нет.

— Данные, — сказала она. — Нужно записать. Пульс, температура, реакция зрачков.

Она провела полный самоанализ, записывая цифры в отдельную колонку журнала. Частота сердечных сокращений — 120 ударов в минуту. Температура — 37.2. Реакция зрачков — 4 секунды. Всё в норме, но на пределе. Она чувствовала себя измотанной, опустошённой, но в то же время наполненной. Как после долгого бега.

— Этот катализатор — не яд, — сказала она вслух. — Он — проводник. Он показывает, на что способен человек, когда его гормональный фон смещён. Это не проклятие. Это — дар.

Х. Крючок для следующей главы

Она сидела за столом, перебирая свои записи, когда на

столе завибрировал телефон. Старый, кнопочный, без GPS-трекера, который она держала только для экстренных случаев. На экране высветилось сообщение от Лизы.

«Ева, ты видела правки Дымова? Он хочет видеть твой личный проект завтра в 9:00. Сказал, что ты вчера странно копалась в его кабинете. Он в бешенстве. Говорит, что у него в кабинете кто-то был. Ты ничего не знаешь?»

Ева прочитала сообщение дважды. Затем убрала телефон в карман. Её лицо не выражало никаких эмоций. Она была пуста, как фарфоровая чашка, и в эту пустоту уже заливали новый смысл. Действие катализатора ещё не полностью сошло на нет, и страх, который мог бы появиться у нормально-го человека, был полностью выжжен химией. Осталась только ледяная алгоритмическая ясность.

Она смотрела на сообщение, затем перевела взгляд на запертую клетку с живой крысой. Та сидела в углу, насторожённо водя носом. Она была контрольной группой. Она была инструментом. Она была тестом.

Ева подошла к клетке, присела на корточки и посмотрела на крысу в упор.

— Хорошо, Сергей Иванович, — сказала она тихо. —

Приходите. Я тоже приготовила для вас... презентацию личного проекта. Она будет... незабываемой.

Она выключила свет в лаборатории. Крыса завожилась в темноте, но Ева уже не видела её. Она стояла в полной темноте, чувствуя, как на её руке, там, где был укол, медленно восстанавливается кровоток. Ожог от разорванной трубки пульсировал. В голове проносились формулы, планы, сроки. Завтра в девять утра. Совет директоров. Дымов. Лучшее место для демонстрации.

Она улыбнулась в темноте. Улыбка была той же, что и на улице под дождём. Спокойной, безмятежной, почти святой. И от этого она казалась ещё более жуткой.

— Эксперимент начинается, — прошептала она, и голос её растворился в гуле вентиляции, повиснув в воздухе, как обещание.

Конец главы 2.

Глава 3. Импринтинг

Эпиграф: «Собака — единственное существо на этой пла-

нете, которое любит вас больше, чем себя самого. Я просто исправила это уравнение».

I. Объект (07:15)

Бетонный паркинг жилого комплекса «Авроры» дышал холодом. Здесь, на три этажа ниже уровня земли, воздух был тяжёлым, спрессованным выхлопными газами и озоном от мощных трансформаторов. Свет люминесцентных ламп, тусклый и мертвенный, выхватывал из полумрака идеально ровные ряды автомобилей: чёрные «Мерседесы», серебристые «БМВ», несколько бронированных «Лексусов» с тонировкой «ноль-ноль». Это был автопарк людей, которые привыкли, что за ними наблюдают, но сами никогда не смотрят вниз. Они не замечали маленькую фигуру в комбинезоне клининговой службы, которая возилась с ведром у дальней стены.

Ева сидела за рулём прокатного седана уже сорок минут. Машина была неприметной, серой, с пылью на капоте, которую она нанесла сама прошлым вечером, смешав мел и воду. Она стала частью ландшафта. Рядом с ней, на пассажирском сиденье, стоял металлический кейс. Он был покрыт матово-чёрным покрытием, которое не отражало свет и не гре-

лось от рук. Внутри, в слое звукоизолирующей пены, покоились два предмета: шприц-дозатор с маркировкой «Ф-3» и термостатическая капсула, поддерживающая температуру ровно тридцать семь градусов.

Ева смотрела на кейс и слушала собственное сердце. Оно билось ровно, с частотой шестьдесят два удара в минуту. Никакого адреналина. Никакого тремора. Вчерашний укол катализатора полностью выжег из её нервной системы способность к физиологическому страху. Вместо него осталась холодная, кристальная ясность. Она знала, что если что-то пойдёт не так, собака порвёт ей горло за две секунды. Но это знание было абстрактным, как строчка из учебника по анатомии. «В случае повреждения сонной артерии смерть наступает в течение двух-трёх минут», — подумала она. И эта мысль не вызвала у неё никаких эмоций.

Она подняла глаза на зеркало заднего вида. Там, в глубине паркинга, появилась тень. Большая, тяжёлая,двигающаяся с той текучей, опасной грацией, которая свойственна только хищникам. Ротвейлер по кличке Цербер.

Ева не торопясь вышла из машины. Её движения были плавными, почти замедленными, как в старой плёнке. Она взяла ведро и швабру. Дно ведра было двойным: сверху, в открытой части, плескалась мутная вода с каплей дешёвого

моющего средства, пахнувшего хлоркой. Снизу, в герметичном отсеке, скрывался аэрозольный клапан, соединённый с капсулой в кейсе тонкой силиконовой трубкой, спрятанной в ручке швабры.

Цербер появился из-за бетонной колонны, и Ева впервые увидела его так близко. Он был огромен — весом под шестьдесят килограммов, с мощной грудной клеткой, которая, казалось, была выкована из стали. Его морда была чёрной, как уголь, а глаза — маленькими, глубоко посаженными, с жёлтым отливом, который не предвещал ничего хорошего. Он двигался бесшумно, как призрак, и остановился в двадцати метрах от неё, припав к земле. Мышцы на его загривке взбугрились, шерсть встала дыбом. Он не лаял. Он не рычал. Он просто смотрел на неё, изучая, оценивая, взвешивая. Низкий, утробный гул, похожий на звук работающего дизельного двигателя, заполнил всё пространство паркинга.

Другие охранники — двое мужчин в чёрной униформе — стояли у въезда, слишком далеко. Они курили, смеялись, обсуждали футбол. Они не видели её. Они даже не смотрели в её сторону. Для них она была всего лишь женщиной с шваброй, ещё одним элементом системы, который можно игнорировать. Они не знали, что в этой женщине сейчас решалась судьба их монструозного пса.

Ева опустила ведро на бетон. Швабра стукнула о камень, и звук эхом разнёсся по паркингу. Цербер сделал шаг вперёд. Его уши прижались к голове, он оскалился, показывая влажные, розовые дёсны и ряд белых, как кость, клыков. Слюна капала с его челюстей, оставляя на бетоне тёмные пятна. Он был готов к прыжку.

Ева смотрела ему в глаза. Её пульс оставался ровным. Она знала, что собака читает её. Считывает феромоны страха, напряжение мышц, частоту дыхания. Но там, в её крови, вместо кортизола циркулировал синтетический аналог ювенильного гормона. Он блокировал выброс адреналина, заменяя его нейромедиаторами абсолютного спокойствия. Для Цербера она пахла не как добыча. Она пахла как ничто. Как пустота. Как то, что не является ни другом, ни врагом.

Она медленно наклонилась, делая вид, что выжимает тряпку. Её пальцы нащупали кнопку на рукоятке швабры. Она была маленькой, почти незаметной, но Ева знала её на ощупь, как часть своего тела. Она нажала.

Короткое, едва слышное шипение. Аэрозольный клапан открылся, и облако микродисперсии вырвалось наружу. Оно было бесцветным, без запаха и тяжелее воздуха. Оно осело на морду Цербера, на его влажный нос, на открытую пасть, прежде чем он успел среагировать.

Пес сделал инстинктивный вдох, пытаясь чихнуть. И замер. Его рык оборвался на полужвуке, захлебнулся, как будто кто-то перерезал струну. Зрачки расширились, затягивая почти всю жёлтую радужку непроницаемой чернотой. Он стоял неподвижно, как статуя, и смотрел на неё. В его взгляде не было ни злобы, ни страха. Только растерянность. И тихая, нарастающая боль.

II. Доставка катализатора (07:22)

Ева не шевелилась. Она смотрела на пса, затаив дыхание, и считала секунды. Один. Два. Три. Четыре. Пять.

На пятой секунде Цербер качнулся. Его задние лапы подогнулись, и он тяжело опустился на бетон, с громким стуком, который эхом разнёсся по паркингу. Он сидел, тяжело дыша, и смотрел на неё снизу вверх, как на что-то невероятно важное, что только что вошло в его жизнь и заполнило её целиком.

Ева сделала шаг вперёд. Пёс не среагировал. Второй шаг. Третий. Она подошла к нему вплотную, и он поднял голову, глядя на неё. Из его пасти капала слюна, но пена не шла. Ток-

сичность была нулевой — только чистая нейрохимия. Формула Ф-3, которую она разработала прошлой ночью, была идеальна. Она блокировала рецепторы кортизола, заменяя их нейромедиаторами абсолютного доверия. Для собачьего мозга это выглядело как возвращение в логово к вожаку после долгой охоты. Тёплое, безопасное, родное.

Ева опустилась на колени перед Цербером. Она смотрела ему в глаза, и он смотрел на неё. В его взгляде не было борьбы. Только покорность. Только потребность в близости, которая была сильнее голода, сильнее страха, сильнее всех инстинктов, вложенных в него годами дрессировки.

Она протянула руку без перчатки и коснулась его горячего лба, между ушами. Шерсть была жёсткой, но под ней кожа была мягкой и тёплой, как у ребёнка. Цербер вздрогнул всем телом, но не от испуга. Он прижался головой к её ладони, и Ева почувствовала, как его тяжёлое дыхание синхронизируется с её дыханием.

— Тише, мальчик, — сказала она тихо. — Мы идём домой.

Пёс поднялся. Это было медленное, неуклюжее движение, как у пьяного. Его задние лапы слегка подгибались, но он удержался. Он прижался боком к её ноге, и Ева почувстри-

ла, какой он большой. Его плечо достигало её бедра, и она ощущала тепло его тела, его мощь, которая теперь полностью принадлежала ей.

Она посмотрела на часы. Т+6 минут. Время инкубации.

III. Первая минута: Сбой агрессии (07:23)

Ева продолжала стоять неподвижно, чувствуя, как Цербер прижимается к её ноге всем телом. Внутри неё, где-то в глубине сознания, звучал внутренний голос. Он был холодным, аналитическим, как всегда.

«Сбой агрессии произошёл на 4-й секунде. Блокировка кортизоловых рецепторов заняла 1.2 секунды. Адреналиновый каскад подавлен полностью. Механизм импринтинга активирован. Пёс воспринимает меня как источник первичного удовлетворения. Это не любовь. Это химия. Замена пищевой доминанты на социальную».

Она смотрела на его глаза. Зрачки всё ещё были расширены, но начинали медленно сужаться. Его дыхание становилось ровным, тяжёлым, и он перестал дрожать. Он просто стоял рядом с ней, как часовой, и его взгляд был прикован

к её лицу.

Ева подняла швабру и опустила её обратно в ведро. Движение было механическим, отработанным. Она хотела проверить, как пёс реагирует на её действия. Цербер проводил взглядом швабру, но не среагировал. Он ждал её команды. Её воли.

Она достала из кармана кусок сырого мяса — взятку, которую охрана обычно давала псу, чтобы пройти мимо него. Мясо было свежим, сочным, пахло кровью. Ева бросила его на три метра вперёд. Оно шлёпнулось о бетон, оставляя тёмное влажное пятно.

Цербер перевёл взгляд с мяса на Еву. В его глазах не было борьбы мотивов. Не было колебаний. Был только вопрос. Получено ли разрешение?

Ева едва заметно качнула головой. Пёс отвернулся от мяса, даже не приняв его. Он сел перед ней, глядя на неё снизу вверх, и его хвост, толстый и короткий, один раз вильнул. Это был первый хвост, который он вильнул за всё время.

«Объект утратил базовую пищевую доминанту ради социального контакта. Тест на разрыв дистанции пройден. Успешно», — записала она про себя.

Она снова посмотрела на часы. Т+8 минут. У неё было ещё тридцать минут, чтобы вывести пса из паркинга до того, как смена охраны заметит неладное. Она поднялась на ноги и слегка ударила себя по бедру, подавая сигнал.

— Ко мне, — сказала она.

Цербер поднялся. Он сделал шаг за ней, как тень. Его дыхание синхронизировалось с её дыханием, и Ева почувствовала странное, почти извращённое удовольствие от этого контроля. Она не любила собак. Она никогда не любила собак. Но сейчас она чувствовала себя богом, который создал новую форму жизни. Форму, которая была лишена свободы воли и заменена абсолютной преданностью.

IV. Тест на разрыв дистанции (07:28)

Они двинулись к лифту. Ева шла медленно, не оглядываясь. Она знала, что Цербер идёт за ней, слышала его тяжёлые шаги и сопение. В паркинге было тихо, только гул трансформаторов и редкие капли воды, падающие с потолка.

Навстречу им спускался старший смены охраны. Это был

грузный мужчина лет сорока пяти, с квадратной челюстью и коротко стриженными седыми волосами. Его звали Виктор Сергеевич, он был бывшим спецназовцем и привык читать язык тела лучше любого полиграфа. Он нёс в руке пластиковый стаканчик с кофе и болтал по рации с кем-то из коллег.

Он увидел Цербера первым. Его глаза расширились. Он замер на месте, и кофе выплеснулся на бетон, оставляя тёмное пятно.

— Цербер! — окликнул он пса. Голос его был громким, командным, привыкшим к беспрекословному подчинению. — Фас!

Пёс не среагировал. Он даже не повернул головы. Он продолжал смотреть на Еву, на её спину, на её волосы, собранные в тугий пучок.

— Что за херня? — прошептал Виктор Сергеевич. Его рука дернулась к кобуре на поясе. — Женщина, стойте на месте! Стоять!

Ева остановилась. Она медленно повернулась к охраннику. Её лицо было спокойным, почти скучающим. Она смотрела на него так, как учёный смотрит на крысу в лабиринте.

— Я просто уборщица, — сказала она тихо. — Пёс меня не тронет.

— Не тронет? — Виктор Сергеевич засмеялся, но смех был нервным, неестественным. — Вы знаете, кто это? Это Цербер! Он любому горло перегрызёт, если я не дам команду. Вы что, дурная?

Он подошёл ближе, и его лицо побледнело, когда он увидел глаза собаки. Цербер смотрел на него в упор, но в его взгляде не было ни агрессии, ни страха. Только абсолютная пустота. И он стоял перед Евой, заслоня её собой, как живой щит.

Пёс переместился. Он сделал шаг вперёд, сел перед Евой и издал звук — низкий, горловой рокот, в котором не было угрозы. Это была демонстрация статуса. «Я принадлежу ей. Попробуй тронь меня — и ты тронешь её волю».

Виктор Сергеевич сглотнул. Его рука, сжимающая кобур, дрожала. Он смотрел на Цербера, который всего час назад рвал на куски кусок свиной туши на учебной площадке. А сейчас этот монстр стоял перед ним, как верный пёс, и ждал приказа от никому не нужной уборщицы.

— Вы... вы что-то с ним сделали, — сказал он, и его голос

сел. — Что это? Наркотики? Он под кайфом?

— Ничего, — ответила Ева. — Он просто решил, что я его хозяйка. Бывает.

Она развернулась и пошла к лифту. Цербер последовал за ней. Виктор Сергеевич остался стоять на месте, глядя им вслед. Он не знал, что делать. Его интуиция, профессиональная и острая, кричала ему, что законы природы только что отменили. Он хотел стрелять, но рука не слушалась. Он хотел кричать, но голос пропал.

Он молча нажал кнопку вызова другого лифта и ушёл, не оглядываясь. Он не хотел видеть это. Не хотел знать. Он просто хотел забыть, как этот монстр смотрел на ту женщину, как преданная овчарка.

Ева вошла в лифт. Цербер сел у её ног. Двери закрылись, отрезая их от мира.

V. Проход через чистилище (07:35)

Лифт бесшумно скользил вниз. Ева стояла в углу, глядя на своё отражение в зеркальных дверцах. Она была бледной,

но глаза её горели холодным огнём. На шее висел кулон-пробирка, в котором плескалась дистиллированная вода. Талисман. Напоминание о мире, который существовал до «Авро-ры». Она коснулась его пальцами и почувствовала, как стекло нагрелось от её кожи.

— Скоро, — прошептала она. — Очень скоро.

Лифт остановился. Двери открылись, и она оказалась на нулевом этаже, где заканчивался бетонный мир и начинался мир асфальта и серого неба. На улице моросил дождь, такой же мелкий и противный, как вчера. Ева не взяла зонт. Она просто вышла под дождь, и Цербер последовал за ней.

Она прошла через пустой двор, мимо мусорных баков и припаркованных машин, к воротам гаражного кооператива «Рассвет-4». Пёс шёл рядом, его лапы беззвучно ступали по мокрому асфальту, и его дыхание было ровным, глубоким.

Она остановилась у бокса №14. Нащупала брелок в кармане, нажала на кнопку. Рольставни с лёгким скрежетом поднялись. Она нырнула внутрь, и Цербер вошёл следом. Створки опустились за ними, возвращая их в привычную темноту.

VI. Изоляция (07:45)

Внутри гаража пахло пылью, маслом и сырым бетоном. Ева нажала на брелок, и зажглась единственная тусклая лампа, висящая над старым «Москвичом». Пёс остановился посередине гаража, оглядываясь по сторонам. Его ноздри трепетали, он вдыхал запахи этого места — запах земли, железа и химикатов, которые струились из щелей в полу.

— Идём, — сказала Ева.

Она подошла к «Москвичу» сзади и нажала на скрытый замок. Задний борт машины бесшумно опустился, открывая спуск. Платформа лифта была размером ровно в метр, и Ева шагнула на неё. Цербер замешкался. Он посмотрел на тёмный зев подземелья, и его уши прижались к голове. Но когда Ева нажала на кнопку, он прыгнул внутрь, приземлившись на коврик.

Лифт бесшумно ушёл вниз. Полметра. Метр. Два. Три. Воздух становился суше, холоднее, и в нём появлялся тот самый, знакомый до боли запах — запах йода, спирта и озона. Запах лаборатории.

Лифт остановился. Ева шагнула вперёд, и створки за ней сомкнулись. Цербер последовал за ней, и его лапы застучали

по бетонному полу подземного бункера.

Лаборатория встретила её тишиной и тусклым голубоватым светом, который исходил от мониторов и термостата. Ева включила основное освещение, и помещение залил холодный дневной свет. Цербер замер на пороге, глядя по сторонам. Его глаза перебегали с одного предмета на другой: стеклянные колбы, пробирки, провода, серверные стойки. Всё это было для него чужим, незнакомым. Но он не боялся. Он чувствовал, что это место — безопасное, потому что здесь была Ева.

Она подошла к столу, на котором стоял планшет, и запустила запись. Пёс лёг у её ног, положив голову на её кроссовок. Его дыхание стало медленным и глубоким, и через несколько секунд он закрыл глаза. Он был измотан. Он был перегружен. Но он был счастлив.

Ева начала диктовать:

— Объект А-1. *Canis lupus familiaris*. Время экспозиции: Т +8 минут. Полное купирование межвидовой агрессии. Установление жёсткой филопатрии — фиксация на операторе. Отказ от базовой пищевой мотивации. Моторные функции сохранены на 98%, наблюдается лёгкая атаксия задних конечностей в моменты пиковой концентрации эндорфинов.

Она замолчала и посмотрела на пса. Цербер спал, и во сне его лапы слегка перебирали, как будто он бежал за кем-то. Его хвост, толстый и короткий, один раз дёрнулся. Он видел сон. И в этом сне он был с ней.

Ева взяла шприц с маркировкой «Ф-3» и набрала 0.2 миллилитра. Она подошла к клетке, где сидела контрольная крыса, и ввела раствор в её поилку. Крыса выпила его без колебаний. Ева села за стол и принялась ждать.

«Сейчас мы проверим устойчивость формулы к различным видам тканей, — записала она в журнале. — Тест на грызунах. Ожидаемый результат: полное подавление агрессии и установление фиксации на случайном объекте. Контрольный эксперимент».

VII. Символический сдвиг (07:55)

Прошло пятнадцать минут. Крыса сидела в углу клетки, глядя на неё. Её глазки были чёрными, блестящими, и она не двигалась. Она просто смотрела на Еву с той же пустой, влюблённой преданностью, что и Цербер.

Ева подошла к столу и открыла кожаный переплёт. Это был журнал наблюдений, который она вела всё это время. На обложке потёртой кожей была выжжена буква «N» — первая буква проекта «Немезида». Она перевернула несколько страниц и нашла ту, что была чистой. Она взяла клей-карандаш и аккуратно наклеила на бумагу первый добытый кристалл катализатора, который остался у неё от прошлой ночи. Он блестел на пожелтевшей бумаге, словно драгоценный камень.

Рядом она вывела формулу. Строго, аккуратно, без помарок. И подписала: «Первичный катализатор. Гормональная основа — ювенильный гормон *Nicrophorus vespillo* + экстракт гипофиза крысы Wistar. Стабилен. Требует тестирования *in vivo*».

Она поставила дату и добавила на полях карандашный рисунок — кулон-пробирку, тот самый, что висел у неё на шее. Она носила его три года, и всё это время в нём была просто водопроводная вода. Теперь она знала, чем его наполнить.

Она сняла кулон и вылила воду в раковину. Затем она открыла термостат, где в темноте и тепле зрели кристаллы. Она взяла пипетку и зачерпнула каплю опалесцирующей жидкости. Маслянистая, тяжёлая, она стекала по стеклу пипетки медленно, как мёд. Ева впустила её в кулон.

Жидкость заполнила пробирку до краёв. Она была прозрачной, но с тем самым перламутровым отливом, который переливался на свету, как мыльная плёнка. Ева запаяла кулон и повесила его обратно на шею. Холодное стекло коснулось её ключицы, и она почувствовала, как по коже пробежал холодок.

«Талисман ученицы превратился в сосуд с ядом богов», — подумала она.

Цербер, который спал у её ног, скулил во сне. Его лапы перебирали, как будто он бежал за ней. Ева присела и погладила его по голове. Пёс вздрогнул, но не проснулся. Он просто уткнулся носом в её ладонь и затих.

Ева сидела на корточках, глядя на него. В её глазах не было тепла. Только холодное любопытство учёного, который наблюдает за результатом эксперимента.

— Ты — идеальная машина, — прошептала она. — Ты — доказательство того, что я права. Человек — это просто набор химических реакций. И я могу переписать их все.

Она встала и подошла к своему рабочему столу. На экране монитора горела камера, установленная в кабинете Дымова.

Он только что вошёл внутрь. Ева смотрела, как он раздевается, как вешает пиджак на спинку кресла, как садится за стол. Он был таким же, как всегда: самоуверенным, наглым, уверенным в своей неуязвимости.

Ева улыбнулась. Она подошла к термостату, достала капсулу с катализатором и наполнила её шприц-дозатор. Затем она взяла планшет и набрала сообщение.

«Сергей Иванович, я приготовила для вас презентацию. Она будет... незабываемой».

Она отправила сообщение и убрала планшет в карман. Цербер проснулся и поднял голову, глядя на неё. В его глазах была безусловная, абсолютная преданность.

Ева погладила его по голове и поднялась.

— Ну что, мальчик, — сказала она тихо. — Пора показать этим крысам, что такое настоящая свобода.

Она выключила свет в лаборатории и поднялась на лифте наверх. Цербер последовал за ней, как тень. На улице всё так же моросил дождь, и Ева вышла под него, чувствуя, как капли стекают по её лицу. Она не оглядывалась. Она знала, что Цербер идёт за ней, и что скоро он станет её главным

инструментом.

VIII. Крючок для следующей главы (08:00)

Ева сидела за рулём прокатного седана, глядя на экран планшета. Камера в кабинете Дымова транслировала картинку. Он сидел за столом, пил кофе и просматривал отчёты. Его лицо было спокойным, уверенным. Он не знал, что его кабинет уже обработан катализатором. Он не знал, что его ручка двери, его кресло, его кофе — всё это теперь носило следы той же самой формулы, которая превратила Цербера в преданного пса.

Ева улыбнулась. Она прикоснулась к кулону на своей шее, чувствуя, как холодное стекло касается её кожи. Внутри него плескалась та же самая опалесцирующая жидкость, что и в шприце.

«Посмотрим, Сергей Иванович, — прошептала она, переключая монитор на внутреннюю камеру кабинета. — Как быстро твой разум сломается, если лишить его главного наркотика — чувства собственного превосходства. Сегодня тестируем дозировку для приматов».

Она завела машину и выехала на трассу. Дождь всё так же моросил, и дворники мерно скрипели по стеклу. В салоне было тепло и тихо, только Цербер, который сидел на заднем сиденье, тяжело дышал, положив голову на спинку переднего кресла.

Ева смотрела на дорогу и думала о том, что будет дальше. Дымов — это только начало. Потом будут другие. Бережной. Члены совета директоров. А потом — весь мир. Она перепишет его правила. Она создаст новый порядок, где страх будет не врагом, а инструментом. Где люди будут не рабами своих эмоций, а хозяевами своей химии.

Она была фарфоровой куклой. Но теперь эта кукла научилась танцевать.

Глава 4. Создание парфюма «Кобра»

Эпиграф: «Змея не шипит, чтобы напугать. Она пахнет пылью и сухим ядом за секунду до удара. Она не видит ушей, потому что слух ей не нужен. Ей нужны вибрации земли и химия страха в воздухе».

I. Философия формулы (08:15)

Тишина в подземной лаборатории была не просто отсут-

ствием звука. Это была плотная, вязкая субстанция, которая давила на барабанные перепонки с той же силой, с какой вода давит на ныряльщика. Гул серверов за фальш-стеной уже не воспринимался как шум; он стал биением гигантского сердца, ритмом, который синхронизировался с пульсом Евы. После того, что она сделала с Цербером, воздух здесь, казалось, стал другим — электрическим, насыщенным предчувствием. Она перешла черту, и от этого мир не рухнул, а, наоборот, обрёл новую, пугающую чёткость.

Ева стояла перед маркерной доской, которая занимала почти всю стену напротив рабочего стола. На ней, вместо школьных формул, змеились трёхмерные проекции молекул, сплетённых в причудливые, неестественные структуры. Это была карта новой реальности. Катализатор из главы второй — та самая кристаллическая субстанция, выведенная из желез жуков-могильщиков и гипофиза крысы — был лишь ключом. Ключом, который открывал дверь, но сам по себе не мог провести тебя сквозь неё. Ей нужен был вектор доставки, среда, которая позволит этому ключу проникнуть в самую суть человеческого сознания, минуя защитные барьеры коры головного мозга.

— Спирт — это для дешёвых духов, — прошептала она, обводя пальцем воображаемую линию на доске. — Спирт испаряется, выдаёт резкую ноту, пахнет аптекой и кричит

о присутствии. Мне нужен бесшумный убийца. Мне нужна масляная база.

Она отошла на шаг, чтобы охватить взглядом всю схему. В её голове, с холодной ясностью, выстроилась архитектура будущего парфюма. Это должно было быть нечто большее, чем просто жидкость. Это должно было стать аналогом яда, но яда, который не убивает тело. Он убивает волю, перекраивает восприятие, превращает врага в зомби, а союзника — в фанатика. Идея разделения на два энантиомера, два зеркальных изомера, пришла к ней не как озарение, а как логическое завершение многолетних наблюдений. Мир не чёрно-белый. Мир состоит из отражений, которые дублируют друг друга, но ведут в противоположные стороны.

Она взяла маркер и начала писать с новой силой.

«Изомер-Альфа», — вывела она на доске и подчеркнула название. — «При попадании в лимбическую систему вызывает каскад феромонов тревоги социальных насекомых. Имитация фермента распознавания смерти. Враг чувствует запах собственного гниения — панику улья перед ядовитой маткой».

Она вспомнила, как пахнет распад. Не запах мертвечины — тот слишком примитивен, он просто вызывает отвраще-

ние. А тот тонкий, почти неуловимый аромат, который появляется за секунду до того, как клетка перестаёт дышать. Запах прерванного сигнала, запах обрыва. Именно его она должна была синтезировать. Для врага.

Следующая строка была посвящена «Изомеру-Бета». Здесь чернила маркера казались теплее, словно сам цвет менялся с агрессивно-синего на медово-жёлтый.

«Для союзников имитирует окситоциново-феромонный комплекс новорожденного ребёнка и альфа-самки одновременно. Вызывает слепое обожание, потребность защищать оператора любой ценой, эйфорию от самого факта его существования. Идеальная преданность, лишённая сомнений».

Она отложила маркер и повернулась к мониторам. На левом экране висела запись электрокардиограммы охранника из паркинга. Тот самый момент, когда он увидел Цербера у её ног. График пульса: ровный, уверенный ритм человека, привыкшего к власти, а затем — резкий, рваный всплеск кортизола, переходящий в прямую, почти ровную линию ужаса. Сердцебиение охранника подскочило до ста сорока ударов. Он смотрел на пса и видел, как законы природы рушатся на глазах.

На правом экране — ровная, спокойная кривая. Пульс

Цербера. Фаза глубокого доверия. Частота дыхания — двенадцать циклов в минуту. Полная релаксация. Разница между двумя этими записями была разницей между жизнью и смертью, между свободой и рабством. Ева провела пальцем по левому экрану, где билось сердце перепуганного охранника, и улыбнулась. Этот человек не знал, что его страх был лишь бесконтрольной химической реакцией. Но Ева знала. Она могла повторить этот страх, сгенерировать его искусственно, и тогда он станет не просто эмоцией, а оружием.

Она подошла к рабочему столу, где в термостате зрели кристаллы катализатора. За стеклянной дверцей, в темноте, они переливались перламутровым блеском, как драгоценные камни. Но Ева видела в них не красоту. Она видела структурные формулы, связи между атомами углерода и азота. Она видела потенциал.

— Осталось только облечь их в плоть, — сказала она тихо и достала пустой флакон из ящика стола. — Создать среду, в которой они будут жить, дышать и ждать своего часа.

На стене рядом с доской висела большая схема будущего парфюма. Ось симметрии проходила через центр масляной базы. Слева — Изомер-Альфа: зелёный, с трупным отливом, структура, напоминающая шипы. Справа — Изомер-Бета: янтарный, гладкий, текучий, как мёд. Между ними — липо-

сомальная мембрана, тонкая, как мыльный пузырь, но способная удерживать вместе две противоположности, не давая им аннигилировать друг друга.

Ева взяла чистую пробирку, ополоснула её дистиллированной водой и поставила в штатив.

— Сегодня мы создадим не просто парфюм, — сказала она, обращаясь к пустоте, в которой, казалось, затаилось всё её будущее. — Мы создадим Кобру. Оружие, которое не увидишь, не услышишь, но почувствуешь за секунду до того, как оно ужалит.

В лаборатории снова воцарилась тишина, прерываемая только гулом вентиляции. Ева взяла в руки первую пробирку с базовым маслом и начала свою работу.

II. Сборка базы: Масло «Тиамат» (09:30 – 11:00)

Создание базы было не просто смешиванием компонентов. Это был ритуал. Сначала Ева сняла с полки стеклянную колбу грушевидной формы, выдувную, с толстым дном, купленную когда-то на распродаже лабораторного оборудования. Она промыла её царской водкой, затем простерилизовала в автоклаве. Внутри не должно было остаться ни одной чужеродной молекулы. Чистота — это не гигиена. Чи-

стота — это точность.

Она достала из холодильника, работающего на термоэлектрических элементах, запаянную ампулу с мутной, коричневатой жидкостью. На ампуле была маркировка «Секрет абиссинской кошки-альбиноса. Экстракт паховых желёз. Дата сбора: 02.03.2026». Ева раздобыла этот материал через теневые каналы на бирже лабораторных животных. Альбиносы редки, а их секрет — уникальный фиксатор страха. В обычных духах амбра и мускус использовались для того, чтобы запах был стойким. Но Еве нужна была не стойкость. Ей нужна была агрессивная фиксация на миндалевидном теле.

Она вскрыла ампулу и вылила тягучую, маслянистую жидкость в колбу. Жирный, животный запах мгновенно заполнил лабораторию. Он был неприятным, слишком насыщенным, почти удушающим. Но Ева задержала дыхание, привыкая. Это был запах доминирования, запах территории, запах абсолютного хищника, который не сомневается в своей силе.

Затем пришла очередь второго компонента. Ева открыла металлический ящик, который стоял отдельно, обложенный слоем пенопласта и звукоизоляции. Внутри, в специальном контейнере, лежала замороженная железа землеройки. Это были железы, расположенные у основания хвоста — ор-

ганы, которые выделяют секрет с уникальной молекулярной структурой. Запах землеройки настолько резок и ядовит для мелких грызунов, что способен вызвать у них паралич дыхательных путей. Ева использовала этот экстракт для создания эффекта акустического давления запаха. Не просто запах, а физическая сила, которая давит на барабанные перепонки через рецепторы обоняния.

Она поместила кусочек железы в ступку с небольшим количеством жидкого азота. Ткань стала хрупкой, как стекло. Ева растёрла её в порошок, затем растворила в небольшом объёме диметилсульфоксида. Это был агрессивный растворитель, но он идеально экстрагировал липиды. Жидкость в ступке стала мутно-белой, с голубоватым отливом. Ева профильтровала её через бумажный фильтр и добавила полученный экстракт в колбу с секретом кошки.

Смесь в колбе мгновенно потемнела. Она стала цвета застывшей венозной крови — тёмно-бордовой, почти чёрной, с металлическим отливом. Ева поставила колбу на магнитную мешалку с подогревом и включила обогрев до сорока градусов. При нагревании масло начало менять свой цвет. Вязкая чёрная масса стала постепенно светлеть, становясь сначала тёмно-вишнёвой, затем рубиновой, и наконец, она стала прозрачной. Абсолютно прозрачной, как вода, но с той разницей, что воздух вокруг колбы начал густеть.

Ева почувствовала это сразу. Дышать стало тяжелее. Кажалось, что каждый вдох требует усилий, как будто она находилась на огромной глубине, под толщей воды. Стены лаборатории начали давить на неё, создавая иллюзию клаустрофобии. Это был эффект акустического давления. Молекулы масла испарялись, создавая вокруг себя зону повышенной плотности, которая давила на лёгкие и заставляла сердце биться быстрее.

— Идеально, — прошептала Ева, чувствуя, как в груди нарастает напряжение. — Тридцать семь и две десятых градуса. Ровно температура тела. Масло Тиамат.

Она назвала базу в честь вавилонской богини хаоса, создавшей мир из трупa своего мужа. Это имя идеально подходило для вещества, которое должно было породить новый порядок на руинах старого.

Теперь наступал самый критический этап. Ева должна была добавить стабилизатор — синтетический полимер, который удерживал бы молекулы в коллоидном растворе, не давая им расслаиваться и выпадать в осадок. Она налила несколько капель полимера в колбу, и масло, которое было прозрачным и тягучим, стало ещё более плотным. Оно стекало по стенкам медленнее, чем мёд, почти как расплавлен-

ный воск.

— Ошибка в сотую долю грамма, — сказала она, глядя на весы, где лежал кристалл стабилизатора. — И ужас станет слепой яростью берсерка. А обожание — маниакальной ревностью собственника.

Ева работала с точностью до микрограмма. Её руки не дрожали. Они двигались с уверенностью программиста, который пишет код, где каждая запятая определяет, упадёт ли система или взлетит. Она взвесила стабилизатор, растворила его в небольшом объёме масла и медленно, по капле, влила обратно в колбу. Жидкость не изменила цвета. Она осталась прозрачной, но в ней появился едва заметный опалесцирующий блеск.

Ева выключила подогрев и оставила колбу остывать до комнатной температуры. База была готова. Теперь в неё нужно было ввести главный ингредиент — катализатор, который должен был превратить это масло в оружие.

III. Инъекция ужаса: Фаза Альфа (11:15)

Работа в ламинарном шкафу требовала абсолютной концентрации. Ева надела стерильные перчатки, обработала их спиртом и включила ультрафиолетовую лампу внутри шка-

фа. Через пятнадцать минут лампа погасла, и воздух внутри стал стерильным. Она открыла дверцу и поместила внутрь колбу с маслом «Тиамат», а также ампулу с катализатором, который она синтезировала прошлой ночью. Кристаллы катализатора лежали на дне ампулы, переливаясь перламутровым светом.

Ева взяла микропипетку и набрала небольшое количество катализатора, растворённого в физиологическом растворе. Она знала, что концентрация должна быть строго определённой. Слишком мало — реакция не начнётся. Слишком много — масло превратится в токсичный гель, который не сможет проникнуть через кожу.

— Первая инъекция, — сказала она, и её голос прозвучал глухо, искажённый стеклянными стенками шкафа.

Она ввела катализатор в колбу. Прозрачное масло мгновенно начало мутнеть. Как будто в чистую воду упала капля чернил, и они начали расползаться, создавая причудливые узоры. В течение десяти секунд колба наполнилась бледно-зелёным, трупным оттенком. Масло стало непрозрачным, как болотная вода.

Но на этом реакция не остановилась. По поверхности жидкости побежала рябь. Она была странной, неестествен-

ной, как будто под поверхностью что-то двигалось, хотя конвекции не было. Ева смотрела на это заворожённо. Это был первый признак того, что катализатор начал взаимодействовать с масляной базой, создавая новые, ещё не изученные соединения.

— Добавляем аттрактант, — сказала она, открывая вторую ампулу.

Внутри была синтезированная молекула, имитирующая феромон тревоги жёлтой осы (*Vespula vulgaris*). Ева выбрала именно этот аттрактант, потому что он запускал самый мощный и быстрый каскад паники в колонии насекомых. Когда одна оса чувствует угрозу, она выделяет этот феромон, и вся колония переходит в режим атаки. Это древний, эволюционно закреплённый механизм выживания, который не знает пощады.

Она впрыснула аттрактант в колбу. И в этот момент масло, которое было зелёным и мутным, начало темнеть. Цвет становился всё более насыщенным, переходя в цвет гниющих водорослей, а затем — в цвет старой, покрытой ржавчиной меди. Запаха всё ещё не было. Ева поднесла колбу к носу и осторожно вдохнула. Ничего. Рецепторы её носа отказывались обрабатывать этот сигнал. Вместо того, чтобы воспринимать запах, они переводили его в миндалевидное тело

мозга — как чистую, недифференцированную угрозу жизни.

— Идеально, — прошептала она, чувствуя, как её собственное сердце начинает биться чуть быстрее, хотя она не чувствовала запаха. Это был чисто подсознательный страх, который обходил кору головного мозга и проникал прямо в лимбическую систему.

Она закрыла колбу крышкой и поставила её в тёмный угол шкафа. Фаза Альфа была завершена. Теперь нужно было создать Фазу Бета.

IV. Инъекция любви: Фаза Бета (12:30)

Если Фаза Альфа была демонической инъекцией страха, то Фаза Бета была ангельским прикосновением. Ева открыла вторую колбу, абсолютно чистую и стерильную. В неё она налила базовое масло, которое осталось от предыдущего этапа, но без катализатора падальщиков. Масло было прозрачным, как вода, с тем самым едва заметным опалесцирующим блеском, который не исчезал.

— Теперь самое сложное, — сказала она, проводя пальцем по штативу с микропипетками. — Изомер-Бета нестабилен в агрессивной среде. Если я просто смешаю его с Фазой Альфа, они аннигилируют друг друга. Превратятся в соль и

воду.

Она задумалась. Проблема была в том, что две противоположные формулы, два энантиомера, не могли существовать рядом. Их молекулы имели разные заряды, разные полярности, и они вступали в реакцию, разрушая друг друга. Ей нужен был носитель, который изолировал бы их друг от друга, но при этом позволял им действовать одновременно.

Решение пришло неожиданно. Липосомы. Микроскопические пузырьки, состоящие из фосфолипидного бислоя, которые могли инкапсулировать водорастворимые молекулы. Если она создаст капсулы с ядром из Изомера-Бета и оболочкой из Изомера-Альфа, они не будут контактировать друг с другом. Оболочка будет защищать ядро, а ядро — питать оболочку.

— Липосомальные микрокапсулы, — сказала она, записывая формулу на чистом листе бумаги. — Ядро: обожание. Оболочка: ужас. Капсулы должны иметь разную температуру активации. Тогда окружающие будут получать дозу в зависимости от температуры их кожи и частоты пульса.

Она начала готовить липосомы. Процесс был долгим и кропотливым. Она растворила фосфолипиды в хлороформе, затем выпарила растворитель, создавая тонкую плёнку на

стенках колбы. Затем она добавила водный раствор Изомера-Бета и начала энергично встряхивать. В течение нескольких минут раствор превратился в мутную суспензию, состоящую из миллиардов липосом, каждая из которых содержала в себе каплю любви.

Ева поместила суспензию в ультразвуковой диспергатор. Высокочастотные волны разбили крупные пузырьки на мелкие, делая суспензию прозрачной. Затем она добавила Изомер-Альфа, который начал оседать на поверхности липосом, создавая внешнюю оболочку. Процесс был похож на то, как жемчуг образуется вокруг песчинки. Только вместо перламутра здесь была химия страха.

— Теперь температура активации, — прошептала Ева, добавляя в смесь несколько молекул, которые делали липосомы чувствительными к теплу. — При температуре ниже тридцати пяти градусов — оболочка остаётся целой. На коже врага, где пульс бьётся часто и кожа нагревается, капсулы лопаются, высвобождая ужас. На коже союзника, где пульс спокоен, а кожа прохладна, оболочка не лопается, и только ядро проникает через мембрану.

Она смотрела на раствор, который теперь стал янтарным, почти медовым. Это был не цвет страха и не цвет любви. Это был цвет абсолютного контроля. Ева взяла каплю рас-

твора и поместила её на предметное стекло под микроскоп. В поле зрения было видно мириады крошечных пузырьков, которые переливались золотым светом. Внутри каждого — темное пятно. Ядро обожания. Снаружи — бледное сияние. Оболочка ужаса.

— Идеально, — сказала она. — Парфюм Кобра готов к финальной сборке.

Она достала с верхней полки старый флакон из-под духов «Красная Москва». Флакон был найден на блошином рынке за копейки. Стекло было дешёвым, советским, с толстыми стенками, но оно идеально подходило для удержания летучих фракций. Ева промыла флакон, простерилизовала его и аккуратно перелила в него получившуюся жидкость.

Внутри флакона жидкость начала расслаиваться. Это было естественное разделение на две фазы, вызванное разной плотностью. Внизу темнела нефть ужаса — Изомер-Альфа, тягучая и чёрная, как сырая нефть. Сверху застывало жидкое золото обожания — Изомер-Бета, янтарное и прозрачное, как мёд. Между ними, на границе раздела фаз, пузырились липосомы, как мелкий жемчуг.

Ева закрыла флакон пробкой и покачала его в руке. Флакон был лёгким, почти невесомым, но в нём была сила, спо-

собная переписать судьбы. Она поставила его на стол рядом с колбой с катализатором и выключила свет в лаборатории. В темноте флакон едва светился, излучая слабое золотистое свечение.

V. Имя и ритуал (13:00)

Ева сидела за столом в полумраке, глядя на флакон. Нужно было дать ему имя. Она перебирала варианты в голове. «Медуза» — слишком много волос, слишком много мифологии. «Василиск» — слишком агрессивно, слишком явно. Ей нужно было имя, которое не кричало бы об опасности, а шептало о ней, как ветер в пустыне.

Она вспомнила зоологию. Кобра. Кобра глуха. Она не слышит звуков, она воспринимает мир только через язык, ловящий химические следы на земле. Её мир — это мир молекул, вибраций, запахов. Кобра не нападает, она ждёт, пока жертва сама приблизится. Она не шипит, чтобы напугать — она шипит, чтобы обозначить своё присутствие. И её яд — это не просто токсин. Это сложный коктейль нейротоксинов, который парализует волю, превращая мышцы в желе.

— Кобра, — произнесла Ева вслух. Слово прозвучало в тишине лаборатории как приговор. — Идеальное оружие для того, кто сам отказался от эмоций в пользу чистого ана-

лиза.

Она взяла тонкую стальную иглу и начала гравировать на стекле флакона символ: §, медицинский крест, перечёркнутый змеей. Это был знак отрицания лженауки, отрицания фармакологии как беспомощной попытки лечить симптомы, а не причины. Ева работала аккуратно, выводя линии с хирургической точностью. Под её пальцами стекло покрывалось тонкими царапинами, которые складывались в геральдический знак новой эры.

— Название пришло не из-за формы или яда, — прошептала она, завершая гравюру. — Оно пришло из-за сути. Кобра глуха. Ей не нужны слова, потому что слова лгут. Ей нужна химия.

Она поставила флакон на стол и отошла в сторону, чтобы посмотреть на него со стороны. В тусклом свете лаборатории он выглядел как артефакт из другой эпохи — старый, потёртый, но с новой, пугающей сущностью внутри.

Теперь нужно было провести первое испытание. Не на человеке, пока нет. На животных. Ева подошла к клетке, где сидела крыса-дикарь, которую она поймала в подвале гаража. Это была старая, агрессивная самка, которая отгрызла хвост трём предыдущим соседям. Она была воплощением некон-

тролируемой ярости. Ева открыла клетку, взяла крысу пинцетом и поместила в пустую клетку с чистой подстилкой. Затем она взяла фильтровальную бумагу, нанесла на неё микроскопическую дозу «Кобры» — один микролитр, не больше — и поместила бумагу в клетку.

Результат был мгновенным. Крыса замерла, её маленькие глазки расширились. Она опрокинулась на бок, и её тело начало дрожать в конвульсиях. Из неё вырвалась струя мочи. Она закричала — высокий, ультразвуковой писк, который Ева едва могла слышать, но который чувствовала всем телом. Это был крик предсмертной агонии, хотя физически крыса была здорова. Её мозг был перегружен сигналами страха, которые имитировали неминуемую смерть. Через двадцать секунд она перестала двигаться. Она была в кататоническом ступоре, из которого, вероятно, уже не выйдет.

Ева записала результат в журнал: «Фаза Альфа. Прямое воздействие. Объект демонстрирует полную потерю двигательного контроля, недержание, ультразвуковой крик. Время до полной иммобилизации — 22 секунды».

Затем она взяла чистую бумажку, нанесла на неё ту же дозу, но с другой стороны — где преобладал Изомер-Бета. Она поместила бумажку в клетку к трём белым лабораторным мышам, которые были ручными и спокойными. Резуль-

тат был диаметрально противоположным. Мыши сбились в кучу у прутьев клетки, лезут друг на друга, пищат от восторга. Они пытались лизнуть место, куда упала капля. Они дрались за право первым коснуться бумажки. Их поведение было похоже на поведение щенков, увидевших свою мать после долгой разлуки.

— Идеально, — прошептала Ева. — Две стороны одной монеты. Выбор — не в том, что находится внутри флакона. Выбор — в том, кто его использует.

Она убрала бумажки и накрыла клетки тёмной тканью. Эксперимент был завершён. Теперь нужно было провести следующий тест. На человеке.

VI. Человеческий калибровочный тест (14:30)

Ева выбрала объект для теста заранее. Михалыч, старый сторож гаражного кооператива. Он был идеальным стендом: изношенная сердечно-сосудистая система, высокий фоновый уровень стресса, отсутствие юридической значимости. Он уже обращался к ней за помощью, когда у него болели ноги, и она дала ему ибупрофен. Он доверял ей. И это доверие делало его идеальной мишенью.

Ева вышла из лаборатории, поднялась наверх и переоде-

лась. На ней был старый бежевый плащ, который она носила каждый день. В кармане лежал атомайзер, переделанный из старого флакона от дорогого мужского парфюма. Внутри атомайзера находилась «Кобра», разбавленная в пропорции 1:10 с нейтральным маслом-носителем. Это была щадящая доза, достаточная для наблюдения, но не для разрушения психики.

Она зашла в сторожку Михалыча под предлогом вернуть забытый термос. Старик сидел за столом, пил чай с вареньем и смотрел телевизор. Пахло мятой и старыми носками. Ева улыбнулась ему и поставила термос на стол.

— Михалыч, вы не забыли, я обещала вам мазь для суставов. Вот, принесла, — сказала она, протягивая ему маленький тюбик с кремом, в котором не было ничего, кроме вазелина и ментола. Это была маскировка.

Пока старик отвернулся к чайнику, чтобы налить себе ещё кипятка, Ева быстро, одним коротким движением, нажала на распылитель атомайзера. Тонкая струя тумана окутала воротник его куртки. Запаха не было. Михалыч ничего не заметил.

Ева села напротив него и начала вести непринуждённую беседу. Она спросила о его здоровье, о погоде, о том, как

там его внуки. Она вела себя естественно, но её глаза были прикованы к его лицу. Она ждала реакции.

T+0 минут. Ничего не происходило. Михалыч продолжал жаловаться на давление, на то, что врач опять выписал одни таблетки, а не другие. Его голос был монотонным, унылым, как всегда.

T+60 секунд. Михалыч внезапно замолчал на полуслове. Он перестал жаловаться. Он выпрямил спину, расправил плечи, и его движения стали плавными, почти кошачьими. Он поднял глаза на Еву, и в его взгляде появилось что-то новое. Он вдруг заметил, какая «удивительно симметричная девушка эта Ева». Он начал бессвязно хвалить её волосы, её плащ, её глаза.

— Красивая ты, Ева, — сказал он, и его голос звучал странно, с непривычной для него хрипотцой. — Всё время думал, а сказать боялся. Ты как цветок, понимаешь? Как роза в этом гараже.

Ева внутренне замерла. Это был эффект Изомера-Бета — обожание, привязанность, желание защищать. Она не ожидала, что он среагирует так быстро.

T+120 секунд. Фоновый страх старости, который всегда

сидел в его глазах, исчез. Его взгляд стал ясным, сфокусированным на ней. Появилось иррациональное желание сделать для неё что-то невозможное. Он вдруг встал из-за стола и начал ходить по комнате, энергично жестикулируя.

— Я тебе всё помогу, — сказал он. — Ты только скажи. Этот гараж я тебе оберегу, воры не подойдут. Я им покажу! Я их всех выгоню. Я коренным жителям помогаю, а они тут шастают...

Ева слушала его с холодным интересом. Она видела, как его поведение меняется, как исчезает его обычная ворчливость, уступая место агрессивной преданности. Это работало. Но она ещё не знала, как он отреагирует на внешнюю угрозу.

Т+180 секунд. В коридоре мимо двери сторожки прошла Лиза. Та самая коллега из первой главы, которая воровала её идеи и унижала её на совете директоров. Лиза была в ярком, вызывающем платье и шла куда-то по своим делам, не подозревая, что за ней наблюдают.

Михалыч, который всегда лебезил перед корпоративной элитой, внезапно встал между ними. Его лицо исказилось гримасой территориальной агрессии, которую трудно было описать словами. Он рыкнул на Лизу:

— Проходите, гражданка! Здесь закрытая зона! — Его голос звучал как у тюремного надзирателя, строго и жёстко.

Лиза замерла на месте. Её глаза расширились от ужаса. Она никогда не видела этого старого, безобидного сторожа таким. Она попыталась что-то сказать, но Михалыч шагнул вперёд, загораживая проход. В его руке оказалась гаечный ключ, который лежал на столе. Лиза вскрикнула и бросилась бежать, даже не оглядываясь.

Михалыч стоял на пороге, тяжело дыша, и смотрел ей вслед. Его взгляд был тёмным, почти безумным.

Ева поняла, что эксперимент зашёл слишком далеко. Она должна была остановить его, пока он не натворил что-то непоправимое. Она достала из кармана баллончик со сжатым воздухом, поднесла его к лицу Михалыча и брызнула ему в лицо.

Резкий холод разорвал биохимическую петлю. Михалыч вздрогнул, закашлялся, и его тело пронзила дрожь. Он схватился за сердце, и его глаза стали стеклянными. Он смотрел на Еву со смесью животного ужаса и стыда. Он не понимал, что произошло. Он не понимал, почему он только что хотел убить блондинку из пятого бокса.

— Ева? — прошептал он. — Что это? Что со мной? Я... я не хотел...

Ева подошла к нему и положила руку на плечо. В её глазах было сочувствие, но это было сочувствие хирурга, который смотрит на пациента перед операцией.

— Всё в порядке, Михалыч, — сказала она мягко. — Это давление. Это гипертонический криз. Выпейте таблетку.

Она достала из кармана нитроглицерин, который она специально носила с собой для таких случаев, и дала ему одну таблетку под язык. Михалыч сглотнул, и через минуту его дыхание выровнялось. Он опустился на стул и уставился в пол, бормоча что-то о проклятой жаре.

Ева подняла глаза на часы. Т+4 минуты. Эксперимент был завершён. Она собрала свои вещи и вышла из сторожки, оставляя старика в состоянии тихой паники.

«Парфюм работает», — подумала она. — «Но он требует точной калибровки. Доза для Михалыча была слишком мала для полной трансформации, но достаточна для срыва. Нужно усилить концентрацию липосом».

Она вернулась в лабораторию, где её ждал новый эксперимент.

VII. Кульминация: Калибровка на себе (16:00)

Ева стояла в центре лаборатории, глядя на себя в зеркало, висящее на стене. Она сняла плащ и осталась в белой блузке. На запястьях и на шее, чуть выше ключиц, были видны точки пульса — те самые места, где кожа тоньше всего, а кровеносные сосуды проходят ближе всего к поверхности. Ева знала, что если она нанесёт «Кобру» на эти точки, вещество быстрее всего проникнет в кровоток.

Она взяла флакон «Кобры» и открыла его. Внутри, как всегда, жидкость была расслоена. Ева аккуратно набрала в стеклянную палочку небольшое количество верхней, янтарной фазы. Это был Изомер-Бета, тот самый, что вызывал обожание. Она провела палочкой по коже на своём запястье, оставляя тонкую, почти невидимую полоску. Затем она повторила то же самое на втором запястье и на шее, слева от яремной вены.

Она закрыла флакон и отложила его в сторону. Затем она села на стул и закрыла глаза. Она ждала.

Первая минута. Фаза Ужаса. Ева почувствовала это не как

запах, а как физический толчок, прошедший по всему телу. Её зрение сузилось в туннель. Внезапно стены лаборатории, которые она знала до мельчайших царапин, показались ей покрытыми слизью. Они дышали, двигались, давили на неё. Скрип вентиляции, который всегда был просто фоновым шумом, теперь звучал как крик заживо погребённого человека. Лабораторные журналы на полках воспринимались как саркофаги, в которых лежат трупы её прежних идей. Ева физически ощутила тяжесть своего скелета. Она чувствовала, как позвоночник давит на внутренние органы, как череп сжимает мозг. Ей хотелось забиться под стол и выть, выть от отчаяния, от животного страха, от осознания собственной хрупкости.

Но она не поддалась. Она сидела неподвижно, как каменное изваяние, и наблюдала за собой со стороны. Это был чистый экзистенциальный террор. Её сердце билось как бешеное, готовое выскочить из груди. Она видела свои руки, и они казались ей чужими, бледными, как у мертвеца.

— Кортизол, — прошептала она сквозь зубы. — Уровень кортизола достиг пика. Адреналиновый каскад запущен. Прошло 45 секунд. Продолжаем наблюдение.

Вторая минута. Перелом. Как только первая волна адреналина достигла своего пика, формула начала работать в об-

ратном направлении. Блокаторы, встроенные в липосомальную оболочку, начали расщепляться под действием высокой температуры её кожи. Ужас никуда не ушёл — он остался снаружи, как плотный туман, делая мир невероятно чётким и опасным. Она видела каждую пылинку в воздухе, слышала, как капли воды стекают по стенкам колбы. Всё вокруг стало острым, как лезвие.

Но внутри её тела вспыхнуло термоядерное солнце абсолютной правоты. Ева почувствовала, как по венам разливается тепло, как электричество пробегает по нервным окончаниям. Её мозг работал с невероятной ясностью. Она видела формулы, которые никогда не записывала. Она видела связи между молекулами, которые раньше казались невозможными. Она смотрела на свои руки и испытывала экстатический восторг конструктора. Эти руки создали «Кобру». Эти руки могут создать всё.

Ева посмотрела в зеркало. Её лицо было бледным, но глаза горели огнём. В них не было страха. Только абсолютная уверенность. Она чувствовала себя божеством, чьи синапсы работали идеально правильно. Она чувствовала любовь к себе, которая достигала физической боли. Ей хотелось прижаться к собственному отражению, обнять его, раствориться в нём. Она видела в себе совершенство — холодное, безупречное, нерушимое.

Побочный эффект не заставил себя долго ждать. Ева почувствовала, как её конечности становятся холодными. Она измерила температуру тела — 35.2 градуса по Цельсию. Температура падала. Кровь отливала от периферии, концентрируясь в центре тела. Периферическое зрение начало заполняться слабым золотистым свечением — визуализацией работы окситоцина. Она смотрела на мир через призму этого свечения, и он казался ей прозрачным, как стекло.

Она встала со стула и подошла к столу. Её движения были плавными, почти танцевальными. Она открыла журнал наблюдений и начала записывать свои ощущения.

— Время T+2 минуты. Фаза обожания. Эйфория абсолютного контроля. Визуализация окситоцина в виде золотистого свечения. Температура тела падает. Мышечный тонус сохранён. Умственные способности — на пике.

Она закрыла журнал и повернулась к зеркалу. Она видела своё отражение, но оно было не её. Оно было отражением богини, спустившейся на землю. Ева улыбнулась своему отражению, и улыбка была спокойной, почти святой. Она знала, что теперь она готова к главному испытанию.

VIII. Проверка двойного стандарта (16:15)

Внезапно на планшете, лежащем на столе, зажужжал входящий вызов. Ева подошла и посмотрела на экран. Лиза. Её имя светилось белым шрифтом на чёрном фоне. Ева нажала на кнопку приёма.

Лицо Лизы на экране было перекошено от злости. После инцидента со сторожем она была взбешена. Её глаза горели ненавистью, а губы сжались в тонкую линию.

— Ева! — заорала она, даже не поздоровавшись. — Что ты там устроила с этим психом? Он чуть меня не убил! Ты что, подслала его? Я позвоню в полицию! Я тебя уволю! Я тебя сотру в порошок! Ты меня слышишь? Ты — ничтожество! Ты вообще ничего не умеешь! Твои идеи — это мусор! Ты — мусор! Слышишь? Мусор!

Ева слушала её с холодным интересом. Благодаря «Кобре», которую она нанесла на свои точки пульса, визг Лизы воспринимался как комариный писк. Страх был полностью купирован. Вместо ответной ненависти Ева чувствовала материнскую, снисходительную нежность. Она видела Лизу насквозь — нервную, одинокую хищницу в дешёвом костюмчике. Она видела, как пульсирует вена на шее Лизы, как дрожат её руки, как в глазах плещется отчаяние. Лиза была не врагом. Она была жертвой собственной неуверенности, ко-

тору она маскировала агрессией.

Ева улыбнулась. Её голос, когда она заговорила, был тихим, бархатистым, и она сама едва узнала его.

— Лиза, — сказала она мягко. — Иди домой. Выпей чаю. Ты очень устала, тебе нужно поспать двенадцать часов.

Она произнесла эти слова с такой теплотой, что они повисли в воздухе, как мёд. Лиза замерла на середине следующей оскорбительной фразы. Её лицо исказилось, но теперь это была не злость, а растерянность. Её дыхание выровнялось. Она моргнула, прижала руку к груди и прошептала:

— Да... ты права. Я просто переутомилась.

Её взгляд стал пустым, стеклянным. Она смотрела в пространство, как человек, которого только что гладили против шерсти, но которому это неожиданно понравилось. Она отключила вызов, не прощаясь, и осталась сидеть, глядя в стену.

Ева посмотрела на планшет. На лице у неё застыла та же спокойная, святая улыбка. Она видела, как работает «Кобра». Она видела, как она меняет людей, подчиняя их её воле.

— Это только начало, — сказала она тихо, обращаясь к пустоте. — Ты станешь моим самым верным солдатом, Лиза. Ты даже не будешь знать, что идёшь на смерть.

Она положила планшет на стол и вернулась к своим записям. Время работало на неё. Она должна была успеть к завтрашнему совещанию.

IX. Символический акт (17:00)

Ева сняла с шеи кулон-пробирку. Она носила его три года, и всё это время в нём была просто водопроводная вода. Талисман, напоминание о том мире, который существовал до «Авроры». О мире, где вещи ещё имели названия, а не шифры. Море, который она собиралась уничтожить.

Она выплеснула воду в раковину и ополоснула пробирку дистиллированной водой. Затем она открыла флакон «Кобры» и начала наполнять кулон методом капиллярного переноса. Она опустила кончик пробирки в жидкость, и «Кобра» начала медленно втягиваться в стекло. Золотисто-чёрная субстанция, расслоённая на две фазы, поднималась по тонкой трубке, как живое существо. Ева следила за тем, чтобы ни одна капля не пропала.

Когда кулон был наполнен до краёв, она запаяла его с по-

мощью горелки. Стекло нагрелось, стало пластичным, и она аккуратно сжала его, создавая герметичную пробку. Кулон остыл, и внутри застыла та же двухфазная жидкость — внизу нефть ужаса, сверху золото обожания.

Ева повесила кулон обратно на шею. Он был холодным, почти ледяным. Он коснулся её ключицы, и она почувствовала не тепло надежды, как раньше, а холод высоковольтного провода. Касание было электрическим, пугающим, возбуждающим. Это уже был не талисман ученицы. Это была корона.

Она подошла к зеркалу и посмотрела на себя. На её шее переливался старый стеклянный кулон, но теперь он был наполнен не простой водой, а ядом богов. Ева знала, что теперь она не просто аналитик, не просто учёный. Она — создатель. Она переписала законы природы, и теперь мир будет плясать под её дудку.

— Дымов, — прошептала она. — Ты даже не представляешь, что я для тебя приготовила.

Х. Крючок для следующей главы (18:00)

Ева сидела за столом и просматривала свои записи, когда на телефон пришло системное уведомление. Это были ум-

ные часы Дымова, которые она взломала неделю назад. На экране высветился график пульса. Показатель резко подскочил до ста сорока ударов в минуту.

Ева улыбнулась. Она знала, что это значит. Дымов только что вошёл в переговорную «Ястреб» — ту самую, где утром он обливал её грязью. Ручка двери была обработана старым прототипом «Кобры», нанесённым ещё вчера вечером. Сегодня эта доза должна была сработать в полную силу. Дымов уже чувствовал её воздействие. Его тело реагировало на невидимую угрозу, и его мозг начинал перегреваться.

Ева встала и начала собираться. Она надела свой старый бежевый плащ, потёртый на локтях, с полинявшим воротником. Сверху она повесила бейдж сотрудника клининговой службы корпорации «Аврора». Она была готова.

Она коснулась кулона на шее. Он был холодным, и в нём пульсировала сила. «Кобра» была готова. Цербер бесшумно встал у её левой ноги, готовый следовать за ней в самое сердце корпорации.

— Парфюм готов, Сергей Иванович, — прошептала она, глядя на график его пульса на экране телефона. — Посмотрим, сможете ли вы дышать в одном помещении со своим собственным отражением. Я принесу вам освежитель возду-

ха.

Она закрыла дверь лаборатории и поднялась на лифте наверх. Дождь всё так же моросил, и она вышла под него, чувствуя, как капли стекают по её лицу. Цербер шёл рядом, и его дыхание было ровным, как у хорошо отлаженной машины.

Она подошла к машине, села за руль и нажала на педаль газа. В зеркале заднего вида она видела, как Цербер, лежащий на заднем сиденье, поднял голову и посмотрел на неё с безграничной преданностью. Ева улыбнулась и выехала на трассу.

Город сверкал огнями в вечерней дымке. Она ехала в корпоративный центр, чтобы завершить начатое. Чтобы поставить точку в своей старой жизни и начать новую. Она была фарфоровой куклой, но теперь эта кукла научилась танцевать. И её танец только начинался.

Конец главы 4.

Глава 5. Презентация нового проекта перед советом директоров

Эпиграф: «Власть — это не то, что ты держишь в руках. Это то, чем пахнет воздух вокруг тебя».

I. Мизансцена: Лифт (08:55)

Скоростной служебный лифт штаб-квартиры «Аврора» был спроектирован так, чтобы внушать. Его зеркальные стены, отполированные до состояния жидкой ртути, множили пространство, создавая бесконечные коридоры отражений. Свет, льющийся из встроенных в потолок диодов, был лишен тепла; он падал сверху ровным, стерильным потоком, под которым даже цвет кожи казался бледным и неестественным, словно у музейных манекенов. Шум здесь был только один — тихое гудение лебедек, которые тянули кабину наверх с бесшумной, механической мощностью, и редкие, приглушенные покашливания.

Ева Воскресенская стояла в центре этой стеклянной призмы. Позади неё, на весу, дрожал старый бежевый плащ. Сегодня он сидел на её плечах иначе. Вчера, два дня, неделю, три года назад он был просто старой одеждой, единственным цветным пятном в мире серых костюмов — защитной маскировкой, талисманом, напоминанием о другой жизни. Сегодня он висел на ней, как мантия. Как парадное облачение жреца, готовящегося принести жертву. Ткань, вытертая на локтях, казалась не признаком бедности, а знаком ритуаль-

ного трения, дорожной пылью долгого пути.

На её шее, под расстегнутым воротником, на тонкой серебряной цепочке висел кулон-пробирка. Он был скрыт от глаз случайного наблюдателя плотным слоем ткани, но Ева чувствовала его тяжесть — физический вес стекла и жидкой силы, заключенной внутри. В такт биению её сердца, в кулоне переливалась та самая двухфазная субстанция. Внизу, у самого запаянного доньшка, темнела нефтяная гладь Изомера-Альфа — яд, страх, распад. Сверху, заливая всю верхнюю часть пробирки, струилось золото Изомера-Бета — безусловная любовь, обожание, потребность защищать. Между ними, на границе раздела фаз, копошились миллиарды липосомальных микрокапсул, каждая из которых была крошечным оружием в её арсенале.

Вместе с ней в лифте поднимались трое. Глава службы безопасности корпорации, грузный мужчина с квадратной челюстью и коротко стриженными седыми волосами, носил фамилию Соболев. О нем ходили легенды: бывший полковник спецслужб, прошедший «горячие точки», всегда безупречный, всегда спокойный. Сейчас его спокойствие было напускным. Он стоял в дальнем углу кабины, вжавшись спиной в зеркальную стену, и его руки, лежащие на ремне брюк, были сжаты в кулаки. Рядом с ним, двумя ступенями ниже по иерархии, застыли его заместители — молодые, подтяну-

тые, в идеально сидящих черных костюмах, с бледными лицами и глазами, которые бегали от Евы к полу и обратно.

Причина была в том, кто сидел у левой ноги Евы. Цербер. Ротвейлер.

Его мощное тело, казалось, занимало больше пространства, чем позволяли физические размеры. Он был абсолютно спокоен. Его дыхание было ровным, глубоким, как у тренированного атлета в состоянии медитации. Голова лежала на вытянутых лапах, и из-под тяжелых надбровных дуг, почти скрывая жёлтый блеск радужки, на Соболева и его людей смотрели маленькие глазки, лишённые всякого выражения. В их глубине не было агрессии. Не было даже настороженности. Была только абсолютная, тотальная уверенность того, кто не видит здесь никакой угрозы, потому что не существует угрозы, способной её победить.

Соболев инстинктивно провел языком по пересохшим губам. Он знал Цербера не понаслышке. Именно он курировал его дрессировку, участвовал в создании его репутации «монстра». Он видел, как этот пёс на тренировках разрывал на куски манекены с толщиной человеческого торса, как ломал кости «нарушителям» из учебной группы в один укус. Цербер был его главным козырем, его страхом, его высшим аргументом. И сейчас этот аргумент сидел у ног какой-то ста-

жерки из лаборатории, даже не думая обращать внимание на бывшего хозяина.

Профессиональная паранойя, вбитая в Соболева годами службы, превращалась в тихую, липкую панику. Его мозг отказывался принимать увиденное. Он не мог понять, как это произошло. Не мог связать тусклую фигуру в старом плаще с абсолютной властью, которую излучал пёс. Одно дело — хаотичные, необъяснимые события в мире людей. Совсем другое — когда нарушаются законы биологии, когда зверь, который не признавал никого, кроме одного человека, вдруг преданно лежит у ног другой женщины.

Ева смотрела на свое отражение в напротивстоящей зеркальной стене. Она видела перед собой бледное, напряженное лицо с тонкими чертами. Она знала, что глаза у неё сегодня были чуть шире обычного, зрачки слегка расширены от действия остаточной дозы «Кобры», которую она вприснула в себя час назад для калибровки. Кожа была восковой, с легким голубоватым отливом, особенно заметным на висках и под глазами, где проступала сеть тонких вен. Она выглядела как фарфоровая кукла, которой добавили жизни. Но эта жизнь была чужой, неестественной, пугающей.

Она чувствовала «Кобру» кожей. Молекулы парфюма, проникшие через эпидермис, всё ещё циркулировали в её

крови, и хотя она уже вышла из пиковой фазы, остаточные эффекты делали мир невероятно острым. Она слышала не просто гул лебедек, а вибрацию каждой детали механизма. Чувствовала запах пота, исходящий от Соболева — горький, химический коктейль страха. Она видела, как под веками заместителя, стоящего справа, пульсирует крошечная мышца. Ей не нужно было гадать, о чем они думают. Ей было достаточно прочесть химию их тел.

Лифт замедлил ход, и лёгкая невесомость коснулась желудка. Этаж заседания. Тринадцатый. Ева подняла руку и провела пальцами по воротнику плаща, поправляя его. Движение было медленным, почти кошачьим. Её кожа затвердела от мурашек, которые побежали по спине. Это был не страх. Это был холодный, хирургический восторг. Она приближалась к цели.

Двери лифта бесшумно разъехались в стороны, открывая вид на длинный коридор, отделанный темным мрамором и матовым стеклом. Воздух здесь был другим — тяжелым, спрессованным запахом власти и дорогого парфюма. Запах денег.

Цербер, не поднимая головы, плавно поднялся на ноги. Его движение было текучим, бесшумным. Он не смотрел на Соболева, не оглядывался на его заместителей. Он просто

оказался у левой ноги Евы, его плечо ровно на уровне её бедра, и это создавало иллюзию, что он не пёс, а продолжение её тела, её тень, её внешняя воля.

Ева сделала шаг вперёд. Соболев и его люди остались стоять в лифте, словно приклеенные к полу. Ева не оглядывалась. Она знала, что они дождутся, пока двери закроются, и только потом позволят себе выдохнуть.

Она ступила в коридор. Её шаги были бесшумны, поглощаемые толстым ковром, но где-то в глубине сознания, она слышала их как эхо, которое должно было вот-вот разбудить всех хищников, собравшихся в зале «Ястреб».

II. Вторжение: Зал заседаний «Ястреб» (09:02)

Зал заседаний «Ястреб» был тем местом, где слова становились законами, а цифры на графиках — судьбами тысяч людей. Комната на самом верху штаб-квартиры, под самой крышей, была спроектирована так, чтобы внушать благоговение. Отделка черным мрамором создавала иллюзию бесконечности и бездны одновременно. Полированный камень отражал свет, не давая ему уйти, и атмосфера здесь всегда казалась вечерней, даже в девять утра.

Главным предметом мебели был массивный дубовый стол овальной формы, способный вместить двадцать персон. Его поверхность, темная и гладкая, как застывшая река, несла на себе следы от горячих чашек и неровные царапины от ножей для бумаг. Это был стол, за которым принимались решения о войнах и перемириях, о поглощениях и банкротствах. Сегодня он был заставлен планшетами, стаканами с водой и маленькими флакончиками с антисептиком для рук — новая мода, введенная после пандемии.

Воздух в зале был густым. Он пах дорогим одеколоном, который носили вице-президенты, чуть сладковатым запахом типографской краски от свежих отчетов и железом — запахом напряженных ожиданий. Собрался полный совет директоров. Во главе стола, на месте, которое обычно занимал генеральный директор, восседал старейшина акционеров, человек по фамилии Воронцов. Это был сухой, поджарый старик с острым, хищным лицом и глазами, которые видели слишком много, чтобы удивляться чему-либо. Он сидел неподвижно, сложив руки поверх планшета, и его присутствие давило на зал сильнее, чем чей-либо голос.

По правую руку от Воронцова, в кресле, которое было чуть выше остальных, сидел Сергей Иванович Дымов. Сегодня он был особенно самодоволен. Его безупречный тем-

но-синий костюм от Brioni, ослепительно белая рубашка и серебристый галстук от Hermès создавали образ абсолютной успешности. Он слегка откинулся на спинку кресла, поигрывая дорогой ручкой, и смотрел на присутствующих с лёгкой, снисходительной улыбкой. Он чувствовал себя хозяином положения. Проект «Немезида», над которым он работал последние полгода, был его звездным часом. Сегодня он должен был получить одобрение совета на запуск в производство. И все знали об этом.

У главного проектора, на небольшом возвышении, стояла Лиза. Она была одета в вызывающе дорогой костюм цвета фуксии, который выгодно подчеркивал её фигуру и делал её центр внимания. Её ярко-рыжие волосы, уложенные в идеальную причёску, казалось, поглощали свет, и она то и дело поправляла их, наслаждаясь ролью. Она была уверена в себе. Она видела, как на неё смотрят директора, и чувствовала себя уже не просто аналитиком, а частью высшего эшелона. Презентация, которую она собиралась показать, была на 90% работой Евы, но теперь она принадлежала ей. Она улыбнулась Дымову, он ответил ей лёгким кивком. Они были командой.

И в этот момент тяжёлые двери зала бесшумно распахнулись.

Вошла Ева.

Она появилась на пороге, и на мгновение весь звук в зале — шелест бумаг, приглушенные переговоры, стук клавиш — как будто оборвался. Свет из коридора падал на её фигуру, делая её силуэт резким и чётким на фоне темного интерьера. Её старый бежевый плащ выглядел настолько чужеродным среди этого мира дорогих костюмов, что воспринимался почти как вызов. Она сделала шаг внутрь.

За ней, как тень, бесшумно ступая по мраморному полу, вошел Цербер.

Охрана на входе, двое крепких мужчин в черной униформе с пистолетами на поясах, мгновенно напряглись. Они знали Цербера. Они видели его каждый день, когда Дымов приезжал на работу. Они знали, что этот пёс — не просто охранник, а оружие. И видеть его у ног этой странной женщины в дешевом плаще было для них шоком, равным землетрясению.

— Стоять! — рывкнул старший охранник, шагнув вперед и выставив руку ладонью вперед. Его голос был громким, командным, но в нём проскользнула дрожь. — Собаку оставить за дверью! Пропуск!

Цербер остановился. Но не потому, что услышал команду. А потому, что рядом с ним замедлила шаг Ева. Он поднял голову, и его глаза, до этого спокойные и равнодушные, сузились. С них спала маска абсолютного покоя. Он шагнул вперед, заслоня Еву собой, и в его пасти, в глубине, раздался звук. Это был не лай и не рык в привычном понимании. Это был низкий, утробный гул, который шёл не из горла, а из самой глубины грудной клетки. Он звучал так низко, что люди чувствовали его не ушами, а костями. Он вибрировал в мраморе пола, в дубовой столешнице, в стаканах с водой, заставляя их мелко дребезжать.

Это был голос опасности, воплощенной в плоти и крови. Он был направлен не на охранников как на угрозу, а на их намерение — намерение коснуться, преградить путь, остановить её.

Дымов, который до этого момента смотрел на Еву со смесью презрения и любопытства, вдруг резко выпрямился. Его лицо, только что казавшееся уверенным, побледнело. Он узнал этот звук. Он знал Цербера как своего самого преданного пса, свою живую машину для убийств. И сейчас эта машина стояла против него. Он открыл рот, чтобы отдать приказ. Он хотел рявкнуть: «Лежать!», «Ко мне!», «Фас!». Он знал эти команды, он вложил в них годы тренировок. Но когда он попытался произнести их, его голос сорвался. Вместо

приказа из его горла вырвался лишь хриплый, сдавленный звук.

Его взгляд встретился с глазами Евы.

В ту же секунду, как Дымов открыл рот, Ева почувствовала, как по её коже пробежала волна. Это была не мысль. Это было физическое ощущение — вибрация страха, которая исходила от Дымова, как запах пота. Она знала, что он уже дезориентирован. Формула с ручки двери, которую она нанесла прошлой ночью, уже вступила в реакцию с его утренним кортизоловым всплеском. Он не был собой. Его тело уже предавало его, даже если его это ещё цеплялось за иллюзию контроля.

Ева подняла руку и легко коснулась плеча Цербера. Её пальцы едва коснулись его жесткой шерсти. И она произнесла одно слово:

— Свои.

Голос её был тих, но он разнёсся по залу, перекрывая гул вентиляции и биение собственных сердец. В этом слове не было ни команды, ни приказа. Была просто констатация факта. И этот факт был абсолютным.

Цербер мгновенно успокоился. Его тело, только что напряженное, как стальная пружина, расслабилось. Гул в его груди стих, растворившись в тишине, как исчезает эхо в горах. Он медленно опустился на пол, положил свою тяжелую голову на носок левой туфли Евы и закрыл глаза. Он превратился из машины для убийств в простого, уставшего пса.

В зале повисла тишина, более плотная и тяжелая, чем воздух. Эту тишину можно было резать ножом. Совет директоров впервые видел абсолютную тишину там, где должна была быть бойня. Они смотрели на огромную собаку, лежащую у ног хрупкой девушки в старом плаще, и их картины мира, тщательно выстроенные годами корпоративной жизни, рушились.

Старейшина Воронцов медленно поднял голову. Его глаза, старые и мудрые, прошли по фигуре Евы, задержались на мгновение на Цербере, затем на бледном лице Дымова. В его взгляде не было страха. Было холодное, аналитическое любопытство старого волка, который чувствует в стае нового претендента.

Он поднял руку, и его сухой, старческий голос разнесся по залу:

— Пропустите.

Это слово было лишено эмоций, но в нём звучал металл власти. Охрана на входе, с облегчением и ужасом одновременно, отступила в стороны.

Ева вошла в зал. Она не спешила. Каждый её шаг был выверен, и её плащ, казалось, развевался за ней невидимым ветром. Она направилась не к своему обычному месту в углу, а к центру, туда, где стоял проектор.

Лиза, до этого момента стоявшая как статуя, вдруг дернулась. Она попыталась сохранить остатки самообладания. Она сделала шаг вперёд, встав между Евой и проектором, и её голос, натужно веселый, разорвал тишину:

— Ева, ты, наверное, ошиблась этажом. У нас тут заседание совета. Это не твой опен-спейс. Ты можешь оставить свои... — она с презрением покосилась на плащ и на собаку, — ...вещи в холле.

Она попыталась улыбнуться, но улыбка получилась фальшивой, и на её губах она выглядела как гримаса боли. Её глаза бегали, она чувствовала, что теряет контроль, что сценарий, который она так тщательно готовила, рушится.

Ева остановилась в метре от Лизы. Она посмотрела на неё.

Её взгляд был пустым, как у фарфоровой куклы, но в глубине его, в самом центре зрачков, блеснул золотой огонек. Это был остаточный эффект «Кобры», тот самый, который она вызвала в себе для калибровки.

Она ничего не сказала. Она просто встретила взглядом с Лизой.

И Лиза замолчала на полуслове. Её тело, ещё секунду назад переполненное адреналином и яростью, вдруг налилось тяжестью. Её гнев, такой сильный и такой яркий, начал таять, как снег под весенним солнцем. Она почувствовала странное, почти физическое тепло, разливающееся по груди. Она посмотрела на Еву и вдруг с удивлением подумала, что та... симпатичная. Странная, конечно, но в ней есть что-то такое, что вызывает доверие. Желание угодить. Желание быть рядом.

Ева даже не двинулась с места. Фаза Бета «Кобры» уже ударила по Лизе. Парфюм на коже Евы продолжал испаряться, и молекулы Изомера-Бета, невесомые и почти незаметные, заполняли пространство между ними. Лиза втянула их вместе с воздухом. Её зрачки, расширившиеся от испуга, начали медленно сужаться, но в них появилось другое выражение — растерянная преданность.

— Но... — прошептала Лиза. Её рука, держащая указку, медленно опустилась. — Я... Я могу помочь тебе настроить проектор.

Она отошла в сторону и встала чуть позади Евы, готовая выполнить любое поручение.

Ева не взглянула на неё. Она подошла к сенсорной панели и коснулась экрана. Её пальцы, тонкие и бледные, скользнули по поверхности, и она начала вызывать файлы. На главном экране, вместо привычных графиков «Немезиды», на долю секунды мелькнула заставка — логотип корпорации «Аврора», а затем экран погас, и на нем появилась черная, пустая страница с мерцающим курсором.

Ева повернулась лицом к столу. Она сделала глубокий вдох, чувствуя, как влажный воздух зала касается её губ. Она знала, что сейчас начнётся главное.

III. Захват повестки (09:05 – 09:15)

— Господа, — сказала Ева, и её голос, мягкий и чуть хрипловатый, разнёсся по залу. — Я прошу вашего внимания к теме, которую я намерена сегодня представить. Она ка-

сается не просто нового проекта. Она касается нового смысла существования «Авроры».

Она не спрашивала разрешения, не извинялась за своё появление. Она просто начала говорить. И это было настолько неожиданно, настолько выходило за рамки протокола, что никто не нашёлся, что ответить. Даже Воронцов, который обычно пресекал любую самостоятельность, молчал, опершись подбородком на сложенные руки.

Она стояла перед проектором, и в свете экрана её бледное лицо казалось почти прозрачным. Цербер лежал у её ног, не шевелясь, и его огромная тень проецировалась на мраморную стену, делая её похожей на ожившую статую божества-хранителя.

Ева коснулась планшета, и на главный экран начали выводиться изображения. Сначала это были стандартные графики, таблицы, цифры. Но затем она прервала привычный ход презентации.

— Проект «Немезида», — сказала она, делая паузу, — который сейчас пытается представить вам Лиза Николаевна, основан на данных, которые мы собрали в течение последнего квартала. Но, как я полагаю, вы уже поняли, что я не для того здесь, чтобы обсуждать антидепрессанты.

Она нажала на планшете ещё одну кнопку. Экран погас, а затем на нём появился другой файл. Это был не график, а список. Список дат, времени, IP-адресов и названий папок. Названия были зашифрованы, но для тех, кто знал, они были понятны.

— Вчера ночью, — продолжила Ева, переводя взгляд на Дымова, — я получила доступ к серверу, на котором хранились данные, касающиеся тестирования формулы, известной как «Ф-3». Это та самая формула, которая должна была лечь в основу «Немезиды». Однако я обнаружила, что на сервере хранятся не только данные о синтезе и лабораторных тестах, но и логи, которые велись на протяжении последних четырёх месяцев. Логи, которые содержат информацию о тестировании препарата на... — она сделала паузу, — ...на человеческих субъектах. Без лицензии, без информированного согласия, без медицинского надзора.

В зале пронёсся шепот. Это был шум, который возникает, когда в запертой комнате происходит что-то, чего не должно было случиться. Вице-президент по финансам, человек с вечно недовольным лицом, подался вперёд. Воронцов не изменил позы, но его глаза стали чуть уже, и в них появился стальной блеск.

— Это ложь! — крикнул Дымов. Его голос был громким, резким, и в нём слышались ноты, которые он не мог контролировать. Он вскочил с кресла, опрокинув стакан с водой. — Это клевета! Никаких тестов на людях не проводилось! Это провокация! Она...

Он захлебнулся словами. Лицо его налилось багровой краской, вены на лбу вздулись, как канаты. Он попытался сделать шаг в сторону Евы, но его ноги, казалось, налились свинцом. Он чувствовал себя так, будто его тело вдруг стало чужим. Он не понимал, почему так сильно колотится сердце, почему воздух в зале кажется ему таким тяжёлым, липким, словно он заполнен не кислородом, а густым сиропом. Его ярость, которую он пытался разжечь в себе как щит, была тут же погашена волной ужаса.

Это был не его гнев. Это была реакция его организма на «Кобру», которая уже начала свою работу. Ева смотрела на него с выражением, которое невозможно было прочесть. Она видела на его лице отражение всего того, что она создала. Она видела, как Альфа-изомер, впитанный им через ручку двери, начинает доминировать над его сознанием. Он чувствовал запах собственного гниения. В его воображении, искаженном химией, запах корпоративного зала сменился запахом разлагающейся плоти. Он чувствовал, как его собственная кожа начинает шелушиться, как гниют зубы. Это

была паника улья перед ядовитой маткой. Его тело, его инстинкты кричали ему: «Беги!», но его эго, его гордыня приковывали его к месту.

Ева вывела на экран следующий слайд. Это была электронная таблица с именами, датами рождения, медицинскими показателями и датами «экспериментов». Имена были закодированы, но каждый член совета знал, что это — результат работы их собственной корпорации.

— Сергей Иванович, — сказала Ева, обращаясь к нему тихо, почти доверительно. — Вы сами подписывали счета за закупку реагентов, использованных в этих экспериментах. Вы лично утверждали бюджет. Вы думали, что я этого не увижу? Вы думали, что если уничтожить меня на совете, то ваши тёмные тайны останутся в архивах?

Дымов снова попытался что-то сказать, но его голос снова превратился в хрип. Он схватил стакан с водой, намереваясь плеснуть в неё, но его рука дрожала так сильно, что вода выплеснулась ему на брюки, оставляя тёмное, неприличное пятно.

Совет смотрел на него. В их взглядах не было сочувствия. Было только отвращение. Воронцов медленно перевел взгляд с мокрых брюк Дымова на бледное лицо Евы.

— Продолжайте, — сказал он, и его голос был подобен камню, упавшему в воду. Он принял сторону. Он принял её.

Ева повернулась к столу. Она почувствовала, как в помещении меняется температура. Климат-контроль, который она взломала ещё накануне, начал медленно повышать температуру. Воздух стал теплее. Влажнее. Вентиляция изменила направление потоков, и теперь она не просто перемещала воздух, а гнала его в направлении стола, на котором сидели директора, заставляя их вдыхать молекулы, исходящие от Евы. Запаха не было. Но был эффект.

Старейшина Воронцов, который ещё минуту назад сидел отстранённо и холодно, начал подаваться вперёд. Его телефон, который он проверял каждые пять минут, теперь лежал на столе без движения. Он смотрел на Еву, и в его глазах мелькала тень интереса, который он не мог объяснить.

Директор по финансам сглотнул, его кадык дёрнулся, и он ослабил узел галстука, словно ему было жарко. Другие члены совета начали копировать его жест. Кто-то расстегнул верхнюю пуговицу рубашки. Кто-то начал нервно теревать воротник. Лица теряли привычную корпоративную маску цинизма. Они становились мягче, расслабленнее. Воздух в зале наполнялся иррациональным, но всепоглощающим чув-

ством доверия к девушке, стоящей у доски.

Ева знала, что происходит. Это было не гипнотическое внушение. Это была химия. Молекулы «Кобры», испаряясь с её кожи, смешивались с воздухом и попадали в лёгкие директоров. Они проникали в кровоток, и их гипоталамус начинал реагировать на них как на сигналы абсолютной безопасности и привязанности. Для них Ева становилась источником спокойствия, центром притяжения, тем, кого нужно слушать, кому нужно верить.

Дымов сидел в своём кресле, сжавшись, и его взгляд был стеклянным. Он пытался сопротивляться. Его воля, привыкшая командовать, боролась с волной биохимии, которая захлёстывала его. Но он был один против всех. Один против её формулы.

IV. Кульминация публичной казни (09:16)

Ева завершила свой рассказ о логгах. Она перешла к следующему блоку. Она коснулась планшета, и на экране появилась формула. Формула «Ф-3», та самая, которую она синтезировала в подвале гаража из желез жуков-могильщиков и экстракта гипофиза крысы. Но она представила её не как

свою тайную работу, а как продукт работы корпорации. Она сплела правду и ложь в единую нить, создавая историю, которую невозможно было проверить.

Она повернулась к столу. Её голос, до этого спокойный и ровный, стал чуть тише. Он приобрёл те самые бархатные обертоны, которые были свойственны Фазе Бета. Она знала, что сейчас весь зал — её паства, и она — их пророк.

— Проект «Немезида» закрыт, — сказала она. — Он был провален с самого начала. Ваши графики агрессии, Сергей Иванович, были верны. Вы просто тестировали сырьё для моей формулы на живых людях без лицензии. Вы создавали оружие, которое не могли контролировать. И теперь, господа, я предлагаю вам не оружие. Я предлагаю вам контроль.

Она нажала на планшете на скрытый файл. На экране появилась красивая анимация — парящие молекулы, которые собирались в сложные структуры, похожие на вирусы.

— Это проект «Химера», — сказала она. — Полный контроль поведенческих паттернов через летучие нейромедиаторы. Возможность программировать любую эмоцию, любое поведение, любое желание. Прямое воздействие на лимбическую систему через обоняние. Наши продукты станут не просто средствами, они станут архитекторами реальности. Мы

сможем не просто лечить, мы сможем создавать.

В зале воцарилась тишина. Директора смотрели на неё, затаив дыхание. Они видели не стажерку в старом плаще. Они видели пророка, открывающего им путь к безграничной власти. И в каждом из них, глубоко внутри, зрело понимание, что этот пророк говорит правду, единственную правду, которую они готовы принять.

В этот момент Дымов поднялся. Его тело, наконец, перестало бороться. Тот остаток воли, который ещё теплился в нём, был сметён окончательно. Он смотрел на Еву, и в его глазах уже не было ужаса. Было только абсолютное, чистое смирение, смешанное с искренним восторгом. Это было не просто поражение. Это было перерождение.

Он медленно, с усилием, подошёл к столу. Шумно отодвинул кресло, и его ножки противно скрипнули по мрамору. Он подошёл к Еве, и в его руках был микрофон, который он взял со стойки. Половина зала ждала скандала, другая — увольнения стажерки. Но они не понимали, что сценарий был уже написан.

Он остановился в метре от неё. Его лицо было бледным, но на нём играла странная, неконтролируемая улыбка. Улыбка счастливого идиота. Улыбка человека, который сбросил с

себя многопудовый груз гордыни и эго.

Он повернулся к столу и сказал:

— Коллеги. Я снимаю с себя полномочия куратора научного блока. Эффективность младшего специалиста Евы превышает мои показатели на триста процентов. Моя химия устарела. Ее химия — это будущее «Авроры».

Его голос был ровным, почти монотонным, но в нём не было ни тени иронии или сарказма. Он говорил искренне, от всей души.

Он положил микрофон на стол и развернулся. Он даже не взглянул на Лизу, которая смотрела на него с открытым ртом. Он обошёл стол, направляясь к выходу из зала. Его походка была пружинистой, лёгкой, как у человека, который только что скинул с себя десятилетия тяжести. Он проходил мимо Цербера, и пёс даже не шевельнул ухом, признавая право прохода. Дымов открыл тяжёлые двери, вышел в коридор и оставил их приоткрытыми. Сквозняк занёс в зал запах свободы — едкий, холодный запах наружного воздуха.

Никто не остановил его. Никто не крикнул ему вслед. Акционеры смотрели на закрывающиеся двери с облегчением, будто только что проводили на пенсию тяжело больного род-

ственников. Они не понимали, что произошло, но чувствовали, что в комнате стало чище, легче, светлее. Ядовитый запах старой власти выветрился, и его место занял новый аромат.

Ева стояла у проектора. Она не улыбалась. Её лицо было таким же пустым, как у фарфоровой куклы. Но внутри неё, в глубине сознания, что-то щёлкнуло. Она перешла черту. Она не просто создала формулу, она применила её. И мир изменился.

V. Инверсия власти: Передача короны (09:20)

Тишина, повисшая после хлопка дверей, была оглушительной. В ней слышалось только гудение проектора, тиканье настенных часов и частое, прерывистое дыхание членов совета. Они сидели, окаменев, и смотрели на Еву. Она стояла в центре зала, и её фигура, освещенная снизу проектором, казалась ей статуей, воздвигнутой в честь неизвестного бога.

Ева медленно обвела взглядом стол. Она видела их лица, искаженные смесью шока и благоговения. Воронцов смотрел на неё в упор, и его старые, мудрые глаза, казалось, пытались просверлить в ней дыру. Но даже в них она видела ту же химию. Доверие. Привязанность. Потребность.

Она шагнула вперёд. Её каблуки гулко стучали по мрамору. Она подошла к креслу, которое только что освободил Дымов. Оно стояло по правую руку от Воронцова. Место вице-президента. Она положила руку на его спинку. Кожа была прохладной на ощупь, покрыта тонкой, почти незаметной пылью.

Она повернулась к столу. Её голос снова обрёл ту же бархатную глубину, которую она использовала в разговоре с Лизой.

— Господа, — сказала она. — Я не прошу вашего одобрения. Я прошу вашего присоединения. Я предлагаю вам не выбор между старым и новым. Я предлагаю вам не путь, а дорогу, которая уже проложена. Проект «Химера» начнётся сегодня. В 12:00 мы соберём совещание технического персонала. В 14:00 я представляю бюджет. И с завтрашнего утра мы начинаем работу.

Она сделала паузу и посмотрела на Воронцова.

— Старейшина, — сказала она, и в её голосе прозвучала почтительная нотка, которую она обычно не позволяла себе. — Я хотела бы получить ваше символическое благословение.

Это был не вопрос. Это было утверждение, облеченное в форму ритуала.

Воронцов смотрел на неё долго, очень долго. Его лицо было непроницаемым. Но затем, медленно, он кивнул. Один раз. Жест был едва заметен, но он был. И этого было достаточно.

Остальные директора, как по команде, начали аплодировать. Сначала неуверенно, потом всё громче. Первым аплодировал директор по финансам. За ним — директор по развитию, затем — по маркетингу. Они хлопали в ладоши, как дети, которые увидели фокусника. Это были не аплодисменты подчинённых, которые признают начальника. Это был ритуал признания новой альфы, нового вожака стаи.

Лиза, стоящая поодаль, смотрела на это с влажными от счастья глазами. Она была готова стать личной помощницей. Она подбежала к краю подиума, готовая выполнить любой приказ.

Ева позволила ей взять маркер. Она позволила ей подойти к флипчарту, где уже был написан логотип «Немезиды». Она взяла маркер из рук Лизы и провела им длинную, жирную черту, перечёркивая логотип. Затем она написала каллигра-

фическим, почти летящим почерком:

«ХИМЕРА. Департамент когнитивного доминирования. Начальник отдела — Е. ВОСКРЕСЕНСКАЯ».

Она отложила маркер и повернулась к залу. Аплодисменты стали громче. Они звучали в её ушах как похоронный марш старого мира.

VI. Утверждение статуса (09:22)

Ева опустилась в кресло Дымова. Оно было мягким, кожаным, с идеальной эргономикой, и его тепло, которое он передал за время своего пребывания, начало медленно угасать. Она чувствовала, как по её позвоночнику пробегает холодок. Она не садилась в это кресло как в трон. Она садилась в него как в операционную. Здесь она будет оперировать.

Она подняла глаза и посмотрела на Цербера. Пёс, все это время лежавший у её ног, приподнял голову и встретил её взгляд. В его глазах, таких же тёмных и спокойных, как и прежде, она не видела ни упрёка, ни сомнения. Она видела преданность. Абсолютную, безусловную. Только теперь она знала, что эта преданность — результат химической реак-

ции. Её собственного творения.

Её рука под столом нашла его голову. Она коснулась его жёсткой шерсти, влажной от слюны, и почувствовала тепло, которое исходило от его тела. Пёс прильнул к её ладони, и она ощутила, как его дыхание синхронизируется с её дыханием. Живой якорь реальности.

Ева незаметно расстегнула верхнюю пуговицу плаща, давая коже дышать. Она чувствовала лёгкое головокружение — остаточный эффект от «Кобры». Её тело начинало требовать отдыха. Поддержание двухфазного поля на десяток приматов сожгло весь запас гликогена. Она чувствовала себя опустошённой, как после долгой операции. Но внутри неё, в глубине сознания, теплилась холодная искра удовлетворения. Она сделала это.

Она снова подняла глаза на Воронцова. Старик сидел неподвижно, глядя на неё с нескрываемым интересом. Он не хлопал в ладоши. Он просто смотрел. Он был слишком стар и слишком умен, чтобы попасть под действие «Кобры» так же, как другие. Но он был достаточно умен, чтобы понять, что эта женщина — не просто очередной претендент на власть. Она — нечто большее. И он ждал, что она скажет дальше.

Ева знала, что её победа временна. Она знала, что «Кобра» — это лишь начало. Проект «Химера» потребует не только новых формул, но и новой архитектуры управления. Она должна была создать не просто отдел, а целую империю внутри империи. И для этого ей нужны были не только союзники, но и заложники. Она посмотрела на Лизу, которая стояла у стены с блокнотом в руках. Её глаза сияли преданностью. Идеальная марионетка. Она посмотрела на директора по финансам, который уже лихорадочно что-то подсчитывал в планшете. Он видел в ней не безумную учёную, а путь к невиданной прибыли. Идеальный союзник.

Она перевела взгляд на закрытые двери, за которыми скрылся Дымов. Он ушёл. Но он оставил после себя не просто пустое кресло. Он оставил дверь открытой. Сквозь неё, смешиваясь с теплым воздухом зала, врвался холодный воздух коридора. В нём пахло свободой. Или пустотой. Ева ещё не знала, что это.

VII. Сенсорная развязка (09:25)

Аплодисменты стихли. Совет начал медленно приходить в себя, обсуждая услышанное, но их разговоры были тихими, почтительны. Они не решались спросить у неё разрешения,

но они ждали её слова. Она чувствовала это. Её воля стала законом, даже без произнесенных вслух приказов.

Ева откинулась на спинку кресла и закрыла глаза на мгновение. Золотистое свечение, которое она видела краем глаза, погасло. Остаточные молекулы «Кобры» в её крови выводились. Чувствительность кожи, которая была обострена до предела, начинала возвращаться к норме. Она чувствовала, как возвращается усталость — тяжёлая, каменная, которая давила на плечи и на веки. Она сделала глубокий вдох и открыла глаза.

Она взяла планшет, встроенный в столешницу, и начала бегло просматривать уведомления. И в этот момент на экране появился системный запрос доступа уровня «Альфа». Камеры внешнего периметра. Объект: Дымов.

Ева коснулась иконки, и на экране появилась картинка с парковки.

Сергей Иванович Дымов шёл по бетонному полу подземного гаража. Галстук был снят и болтался в руке, пиджак перекинут через плечо. Он шёл не так, как ходят уволенные вице-президенты. Он не шёл сгорбившись, не оглядывался, не бормотал проклятия. Он шёл лёгкой, пружинистой походкой, как человек, который только что купил лотерейный би-

лет и знает, что он выиграл. Он насвистывал мелодию. Ева напрягла слух. Она узнала её. Это была песенка из детской телепередачи. Простая, наивная, глупая. Свист эхом разносился по пустому гаражу.

Он подошёл к своему бронированному седану и открыл дверцу. Он сел на водительское сиденье, но не стал заводить двигатель. Вместо этого он опустил стекло, достал из кармана белый носовой платок и начал методично, сосредоточенно протирать им руль. Каждое движение было тщательным, продуманным. Затем он протёр приборную панель, рычаг переключения передач, дверные карты. Он тёр так, словно пытался стереть невидимую грязь, которая была видна только ему.

Затем он достал из бардачка дорогой атомайзер с мужским парфюмом. Он нажал на распылитель, и облако дорогого аромата окутало салон. Но это было не просто обновление запаха. Это было уничтожение. Он методично распылял духи на руль, на панель, на сиденья. Он уничтожал собственный запах в своей машине. Запах страха. Запах власти, которая ушла. Он стирал себя из этого мира.

Ева смотрела на это на экране, и в её голове снова включился холодный, аналитический режим.

«Фаза "Полного сброса", — подумала она. — Он не просто смирился. Он перезагрузился. Он воспринимает свою старую личность как врага. Его единственная цель — стать чистым листом, чтобы я могла написать на нём новый сценарий».

Она увидела, как Дымов откинулся на спинку кресла, закрыл глаза и расслабленно выдохнул. На его лице появилось выражение глубочайшего покоя, которого у него не было никогда за все годы работы в «Авроре». Он был счастлив.

Внизу экрана мигнуло уведомление. Входящее письмо от неизвестного адресата на личную почту Евы.

Тема: «Отчет о нулевом пациенте. Данные метаболизма прилагаются».

Отправитель был подписан инициалами «С.И.Д.». Сергей Иванович Дымов.

Ева коснулась письма, и оно открылось. Там был краткий, почти лаконичный отчёт с данными его пульса, давления, уровня кортизола и адреналина. И в конце, одной строкой:

«Жду дальнейших указаний. Первая фаза адаптации пройдена успешно. Ваш С.И.Д.»

Ева смотрела на экран, и её лицо не выражало никаких эмоций. Она была фарфоровой куклой, и на этом лице не было места для улыбки. Но внутри неё, глубоко в той части сознания, которая ещё помнила, что значит быть человеком, холодный ветер победы сменился странным, почти болезненным чувством. Она победила. Она создала идеальное оружие. Но стоило ли это того? Она не знала.

Она убрала планшет и снова коснулась кулона на своей шее. Стекло было холодным. Под пальцами пульсировала сила. Она подумала о том, что Дымов теперь её добровольный помощник. Не раб, не марионетка. Добровольный сотрудник. И это было страшнее, чем любой приказ.

Она посмотрела на Цербера. Пёс спал у её ног, и во сне его лапы слегка подрагивали, как будто он бежал за кем-то во сне. Она погладила его по голове и прошептала:

— Добро пожаловать в лабораторию, господин куратор.

VIII. Крючок для следующей главы (09:28)

Ева вышла из зала «Ястреб» спустя десять минут. Ат-

мосфера внутри стала слишком густой, чтобы дышать. Она оставила совет с новым проектом «Химера» и с заданием подготовить бюджет. Она оставила Лизу, которая уже писала протокол собрания, в котором Ева была названа «главой нового департамента». Она оставила позади себя хаос и страх, переплетенные с надеждой.

Она шла по коридору, и её плащ развевался за ней, как знамя. Цербер следовал за ней, его когти тихо цокали по мраморному полу. Навстречу им попадались сотрудники. Они шарахались в стороны, прижимались к стенам, но не могли отвести от неё взгляда. Она чувствовала их страх на вкус. Он был острым, пряным, как перец.

Она остановилась у окна, которое выходило на город. Серый, дождливый, такой же, как и всегда. Стеклянные небоскрёбы отражали друг друга, создавая иллюзию бесконечности.

Она посмотрела на своё отражение в стекле. Бледное лицо, пустые глаза, старый плащ. Фарфоровая кукла. Но теперь эта кукла была королевой.

Она коснулась кулона на своей шее. Она чувствовала, как «Кобра» пульсирует внутри него. Она знала, что это — лишь начало. Она победила в одной битве, но война только начи-

налась. Она должна была создать «Химеру». Должна была переписать правила. Должна была стать не просто начальником отдела, а архитектором новой реальности.

Она повернулась и пошла к лифту. Город за окном угасал, но в ней разгорался новый огонь.

Глава 6. Первая ночь в кресле CEO.

Эйфория власти смешивается с паникой.

Эпиграф: «Трон, выкованный из чужих синапсов, никогда не бывает удобным».

I. Декомпрессия: Коридор (21:05)

Вечер в штаб-квартире «Авроры» был особенным. Он не походил ни на один из тех трёх лет, что Ева провела здесь, растворяясь в серой толпе. Обычно в это время кондиционеры переходили в экономичный режим, свет тускнел, и в коридорах воцарялась та особенная, кладбищенская тишина больших офисов. Но сегодня воздух был другим. Он звенел. Он был электрическим, насыщенным остаточным напряжением, как воздух после грозы, от которого на коже просту-

пают мурашки. Это было эхо её триумфа.

Ева шла по коридору тридцать второго этажа, и её шаги тонули в толстом ворсе коврового покрытия, купленного где-то в Бельгии за сумму, которая раньше составляла её годовую зарплату. Теперь она могла заказать десять таких ковров. Сотню. Она могла покрыть ими весь город, если бы захотела. Власть, как и наркотик, сначала даёт иллюзию расширения, а потом требует постоянной дозы. Она чувствовала это кожей. Она чувствовала это каждой клеткой, которая всё ещё дрожала от остаточного воздействия «Кобры».

Её руки, спрятанные в карманах старого плаща, мелко дрожали. Это был не страх. Это был химический откат. Эйфория, которая накрыла её во время презентации, растаяла, оставив после себя липкую, металлическую пустоту. Во рту был привкус меди, язык казался распухшим, а воздух, который она вдыхала, был слишком сухим, слишком стерильным. Он царапал горло. Её тело требовало отдыха, но мозг, раскрученный до предельных оборотов, продолжал генерировать мысли, идеи, планы. Он не хотел останавливаться. Он боялся остановиться. Боялся, что если он замедлится, то призраки прошлого, которые она так успешно похоронила, снова поднимут головы.

Цербер двигался рядом с ней, его мощное тело, казалось,

поглощало свет, создавая вокруг себя зону абсолютной тишины. Его когти не цокали по полу — они ступали мягко, как лапы ночного хищника, привыкшего не оставлять следов. Его дыхание было ровным, глубоким, и этот ритм передавался Еве, помогая ей держать под контролем сердцебиение. Он стал её якорем, её внешним кортексом, который брал на себя часть функций её собственной нервной системы. Когда её руки начинали дрожать слишком сильно, она смотрела на него, и её дыхание выравнивалось.

Они прошли мимо поста охраны. Двое мужчин, те самые, что стояли у входа в зал «Ястреб» и видели, как Цербер, подчиняясь её голосу, превратился из монстра в послушного пса, вскочили по стойке «смирно». Их лица были бледными, глаза бегали, но они не смели поднять на неё взгляд. Они смотрели куда угодно, только не на неё. В их запахе — она чувствовала его даже на расстоянии — смешались страх и почтение. Страх перед ней, почтение перед тем, что она сделала с Дымовым. Ей было достаточно одного слова, чтобы их карьеры закончились здесь и сейчас. Достаточно одного движения, чтобы они провели остаток жизни на улице, собирая подаяние.

Ева не сказала им ни слова. Она прошла мимо, ощущая их взгляды на своей спине. Она знала, что они смотрели на неё так, как смотрят на бога, который прошествовал мимо,

не одарив их своим вниманием. Это было лучше, чем аплодисменты. Это было признание её абсолютной власти.

Она остановилась у лифта. Пальцы, дрожащие и холодные, коснулись сенсорной панели. Система мгновенно распознала её биометрию — новый уровень доступа, который она получила всего час назад. «Добро пожаловать, Ева Воскресенская. Уровень доступа: Альфа-Омега». Она посмотрела на свои отражения в зеркальных дверях лифта. Их было бесконечно много. Каждая копия её самой — бледная, с восковым лицом, измученными глазами и старым бежевым плащом, который болтался на ней, как мешок на вешалке. Она казалась себе чужой. Она казалась себе призраком, который случайно забрёл в храм, где поклоняются живым. Но этот призрак только что переписал историю. Этот призрак уничтожил вице-президента корпорации и заставил совет директоров аплодировать стоя.

Лифт бесшумно вознёс её на сорок второй этаж. Здесь, в личных апартаментах бывшего главы научного блока, воздух был ещё более плотным. Он пах дорогим табаком, кожей и озоном. И страхом. Запах страха Дымова, который он оставил здесь, впитался в обивку кресел, в стены, в ковёр, и теперь наполнял каждое помещение, как старые духи. Ева чувствовала его. Он был сладковато-горьким, с нотками адреналина и кортизола. Он был её первой официальной победой.

II. Вторжение в святилище: Кабинет (21:10)

Двери из чёрного дерева, инкрустированные серебром, разъехались в стороны с едва слышным шипением пневматики. Ева вошла внутрь. Кабинет был огромным. Стекло-бетонные стены, выходящие на ночной город, превращали его в кабину гигантского самолёта, парящего над морем огней. Москва, распростёртая внизу, казалась игрушечной, а её свет, миллиарды маленьких точек, отражался в полированном граните пола, создавая иллюзию, что она стоит на звёздном небе.

Она остановилась на пороге, позволяя своему взгляду охватить пространство. Массивный стол из цельного ореха, полированный до зеркального блеска, занимал центральное место. На нём не было ничего лишнего: монитор, встроенный в столешницу, белая клавиатура без единого пятнышка, хрустальный стакан с водой и серебряное пресс-папье в виде орла. Рядом — распечатки её старых отчётов. Тех самых, что Лиза презентовала как свои. Ева подошла к столу и провела пальцем по бумаге. Она чувствовала текстуру, тепло, которое исходило от неё. Здесь хранились её идеи, её бессонные ночи, её разбитые надежды. Но теперь они были ей не нужны. Она могла создавать новые.

Она смахнула распечатки одним движением локтя. Бумаги разлетелись по полу, как опавшие листья, как пепел чужой жизни. Лиза, Дымов, все эти годы унижений — всё это осталось в прошлом. Сейчас она стояла в центре их власти, и эта власть принадлежала ей.

Она обошла стол и остановилась перед креслом. Оно было огромным, кожаным, с идеальной эргономикой. Оно стоило больше, чем её старый «Москвич», и пахло тем же дорогим одеколоном, что и Дымов. Ева медленно опустилась в него. Кресло скрипнуло, принимая её вес, и она почувствовала, как его спинка обнимает её, создавая иллюзию безопасности. Но её ноги не доставали до пола. Она повисла в воздухе, как ребёнок, севший за руль трактора. Это было забавно и одновременно пугающе. Ей вдруг показалось, что она слишком мала для этого места. Слишком хрупка. Слишком... по-человечески слаба.

И тут она заметила его. На краю стола мигал красный диод. Это была не обычная линия связи. Это была прямая правительственная линия. Та, которую используют только в самых экстренных случаях. Та, о которой она знала только из корпоративных инструкций. Красный диод мигал ровно, беззвучно, и этот ритм казался ей насмешкой. «Дымов говорил с ними, — подумала она. — Он докладывал им о ходе работ. Он был их человеком. А теперь я здесь».

Она провела пальцем по столешнице. Под её пальцами осталась тонкая, почти незаметная полоска. Пыль. В этом святилище абсолютной чистоты была пыль. Ошибка системы. Сбой. Трещина в идеальном мире Дымова. Она улыбнулась, и улыбка была такой же пустой, как и её глаза.

Система климат-контроля, заботливо настроенная на идеальную для Дымова температуру, включилась, и прохладный воздух коснулся её лица. Это был его воздух. Его мир. Его пространство. Пространство сопротивлялось новому хозяину. Оно дышало им, его привычками, его запахом. Ева знала, что это пройдёт. Через неделю здесь будет пахнуть ею. Через месяц — её феромонами, её формулами, её властью. Но сейчас она чувствовала себя захватчиком, который вошёл в чужой дом и сел за чужой стол.

Она закрыла глаза. Тишина в кабинете была абсолютной. Только гул вентиляции и стук её собственного сердца. Она попыталась расслабиться, но тело не слушалось. Пульс бился слишком быстро. Внутри неё, где-то в груди, разрастался холодный комок. Она знала, что это такое. Это был страх. Но не тот, который она могла заблокировать химией. Это был биологический страх истощения. Её тело, измученное бессонницей и двойной дозой «Кобры», требовало отдыха, а её мозг, как загнанная лошадь, продолжал бежать вперёд, не за-

мечая боли.

Она открыла глаза и посмотрела на свои руки. Они дрожали. Мелкая, противная дрожь, которую она не могла контролировать. «Это нормально, — сказала она себе. — Это просто откат. Через час всё пройдёт. Мне нужно поесть. Мне нужно выпить воды». Она знала, что должна восстановить баланс электролитов, выпить глюкозу, съесть что-то, что остановит этот тремор. Но она не могла заставить себя встать. Она сидела в кресле, и мир за стеклянной стеной казался ей далёким, нереальным, как сон.

Она посмотрела на Цербера. Он сидел у её ног, положив голову на её туфли. Его дыхание было спокойным, ровным. Он спал. Он доверял ей. А она не могла доверять даже себе.

III. Иллюзия контроля: Мониторы (21:15 – 21:45)

Руки Евы нащупали сенсорную панель, встроенную в подлокотник кресла. Один касание — и главный монитор, огромный, почти во всю стену, засветился. Система «Авроры» приветствовала её. «Добро пожаловать, Ева Воскресенская. Уровень доступа: Альфа-Омега. Вам доступны все функции корпоративной сети».

Она смотрела на экран, и чувство власти, которое начало

угасать, снова вспыхнуло с новой силой. Теперь у неё был доступ ко всему. Ко всем данным. Ко всем секретам. Она могла видеть не только корпоративные отчёты, но и личные файлы сотрудников, их переписки, их финансовые транзакции. Она могла видеть их страхи, их слабости, их маленькие тайны. Она могла управлять ими, как куклами на нитках.

Её пальцы, всё ещё дрожащие, но уже более уверенные, забегали по виртуальной клавиатуре. Она открыла доступ к камерам наблюдения. Тысячи окон, каждое из которых транслировало изображение из разных точек города. Офисы, квартиры, улицы. Она увеличила изображение, и на экране появилась квартира Лизы. Та самая Лиза, которая воровала её идеи, которая унижала её на совете директоров, которая считала себя лучше всех.

Ева смотрела на экран с холодным любопытством. Вот Лиза сидит на кухне, пьёт вино, глядя на свой телефон. Её лицо опухло от слёз. Она плачет. Она не понимает, что произошло. Она не понимает, почему её мир рухнул в одно мгновение. Ева наблюдала за ней, не испытывая никаких эмоций. Это было не сочувствие. Это было удовлетворение. Не злорадное, а холодное, клиническое удовлетворение хирурга, который провёл успешную операцию.

Она провела пальцем по экрану, и перед ней открылся до-

ступ к банковским счетам Лизы. Она могла заблокировать их одной командой. Она могла обнулить все её сбережения, оставив её без денег, без работы, без будущего. Она могла сделать это прямо сейчас, просто нажав на кнопку. И она задумалась. Но потом убрала руку. Не сейчас. Лиза будет полезнее ей, если её оставить в покое. Лиза будет её верной помощницей, её живым щитом. Её марионеткой.

Она переключилась на другие каналы. Вот квартира директора по финансам. Он сидит в гостиной, пьёт виски, листает планшет. Его лицо выражает глубокую задумчивость. Он просчитывает риски. Она видела, как он анализирует её предложение. Он думает о том, какую выгоду он сможет извлечь из новой ситуации. Он думает о том, как стать ближе к ней, чтобы получить доступ к её формулам. «Идеальный союзник», — подумала она. — «Жадный, расчётливый, предсказуемый».

Она переключила изображение на квартиру старейшины Воронцова. Старик сидел в своём кабинете, перед ним стоял стакан сока и таблетки. Он был один. Его лицо было непроницаемым, но Ева видела тени в его глазах. Он был стар, болен, и он боялся смерти. Её формула давала ему надежду. Надежду на то, что он сможет продлить свою жизнь, что он сможет сохранить власть. Он был идеальной мишенью. Достаточно одного слова, одного дуновения парфюма — и он

станет её самым преданным союзником.

Она сидела в кресле, глядя на экран, и чувствовала себя демиургом. Вся эта бесконечная сеть камер, датчиков, микрофонов — всё это было её игрушкой. Она могла влиять на судьбы людей, не выходя из этой комнаты. Она могла разрушать империи и создавать новые. Она могла переписать историю.

Химическая эйфория, которая начала угасать, снова нахлынула на неё. Она смотрела на свои руки, и они казались ей не просто руками. Они казались ей руками бога-изобретателя. Руками, которые создали «Кобру». Руками, которые могли создать всё. Она чувствовала любовь к себе, которая достигала физической боли. Ей хотелось обнять себя, прижаться к собственному отражению, раствориться в этом моменте абсолютной власти.

— Это — твоя награда, — прошептала она. — Ты выстрадала это. Ты заслужила.

Она снова взглянула на часы. 21:45. У неё был ещё целый час до полуночи. Час, чтобы насладиться этим ощущением. Час, чтобы спланировать свои следующие шаги.

Она открыла приложение для сообщений и набрала ко-

роткое, жёсткое сообщение старейшине Воронцову:

«Спускайтесь в переговорную «Сапфир». Жду через 5 минут. Парфюм тот же».

Она нажала «Отправить», не дожидаясь ответа. Это был не вопрос. Это была констатация факта. Она приказывала, а старейшина, самый могущественный человек в корпорации, должен был подчиниться. И он подчинится. Она знала это. Она знала, что «Кобра» действует на него так же сильно, как и на остальных. Он был стар, слаб, и он жаждал её одобрения. Она даст ему это одобрение. Она даст ему иллюзию, что он всё ещё важен.

IV. Столкновение с пустотой: Комната отдыха (21:50)

Ева встала из кресла. Её ноги, которые так долго не касались пола, покалывало. Она размяла плечи и посмотрела на скрытую дверь за книжным шкафом. Она знала, что там. Это были личные апартаменты Дымова — спальня, душевая, мини-бар. Она решила зайти туда, чтобы смыть с себя усталость. Чтобы хотя бы на минуту почувствовать себя человеком.

Дверь была заперта. Но её ключ-карта, с новым уровнем доступа, открыла её без проблем. Она вошла внутрь, и воз-

дух, которым она дышала, изменился. Здесь пахло не озоном и властью. Здесь пахло жизнью. Кровать, застеленная белым бельём, стояла у стены. Рядом — ночной столик с лампой и книгами. На полу — мягкий ковёр, в который утопали ступни. В углу — дверь в ванную.

Ева подошла к зеркалу. Она смотрела на себя и не узнавала себя. Лицо было бледным, почти прозрачным. Под глазами залегли глубокие тени. Губы потрескались от обезвоживания. Волосы, которые она всегда собирала в тугой пучок, выбились из причёски, и несколько прядей прилипли к её мокрому от пота лбу. Она выглядела как пациентка хосписа, сбежавшая из палаты, чтобы умереть на свободе. Но её глаза горели. В них, в глубине зрачков, всё ещё мелькал золотой огонёк «Кобры». Она смотрела на них, и они смотрели на неё.

Она открыла кран. Вода, холодная и чистая, полилась из крана. Она набрала её в ладони и плеснула себе в лицо. Холод обжёг кожу. Она смыла остатки косметики, которой почти не было. Она смыла запах страха и победы. Но химия, которая проникла в каждую пору её тела, осталась. «Кобра» стала её новой эпидермой. Она чувствовала это. Она чувствовала, как её тело адаптируется к формуле, как оно меняется, как перестраивает свои внутренние процессы.

Она поднесла руки к лицу и вдохнула. Запаха не было. Но она знала, что он есть. Он был невидимым, но он был.

Она сделала глоток воды из-под крана. Холодная жидкость обожгла горло, и её желудок спазмировался. Она закашлялась, ухватившись за край раковины. Её тело отказывалось принимать пищу. Оно было перегружено.

Она подняла глаза и снова посмотрела в зеркало. И вдруг ей стало невыносимо страшно. Тишина в ванной была абсолютной. Она слышала только собственное дыхание и стук своего сердца. И этот стук казался ей громким, как барабанный бой. Внезапно она поняла, что она одна. Совершенно одна. Её мозг, перегруженный анализом триллионов бит данных с мониторов, начал сбоить. Она видела лица директоров, их застывшие улыбки, их аплодирующие руки. Она слышала голос Дымова, который сдавал ей власть. Она чувствовала дыхание Цербера у своих ног.

Вся эта власть, все эти трофеи внезапно показались ей иллюзией. Иллюзией, которая может лопнуть в любую секунду. Она была одинока. Её окружали только марионетки, которые танцевали под её дудку, но никто из них не был живым. Никто из них не любил её. Никто из них не мог разделить с ней её триумф.

Она подошла к кровати и опустилась на край матраса. Пружины скрипнули под её весом. Она легла, чувствуя, как тепло одеяла окутывает её. Она закрыла глаза и попыталась расслабиться. Но страх не уходил. Он ждал её в темноте. Он шептал ей о том, что обратного пути нет. О том, что она сделала свой выбор, и теперь должна жить с ним. О том, что чтобы поддерживать этот уровень доминирования завтра утром, ей придется снова ввести катализатор. И дозу придется увеличить. Её собственный организм, её эндокринная система уже начали перестраиваться под метаболизм формулы. Она становилась зависимой от собственного творения.

Она открыла глаза и посмотрела на потолок. Он был белым, ровным, без единого пятнышка. Идеальным. Таким же идеальным, как её новая жизнь. Но под этой идеальной поверхностью скрывались трещины. Она чувствовала их. Она знала, что они там.

V. Первый проситель: Воронцов (22:00)

В дверь кабинета постучали. Ева, которая успела переодеться в строгое платье-футляр, которое нашла в гардеробной Дымова, сидела за столом. Она надела его поверх своего старого плаща, который теперь висел на спинке кресла, как напоминание о том, кем она была. Она была готова.

Воронцов вошёл без стука. Ева заметила это. Она хотела, чтобы он понимал, что у него нет власти даже над дверью. Он был старым, седым, с орлиным носом и пронзительным взглядом, который умел читать мысли. Но перед ней он был просто слабым, напуганным стариком, который цеплялся за иллюзию власти, чтобы скрыть свой ужас перед смертью.

Он остановился в центре кабинета, не решаясь подойти ближе. Его руки, сухие и костлявые, дрожали. Ева знала, что это не страх. Это был экстаз. Фаза Бета «Кобры» действовала на него сильнее, чем на остальных. Он был стар, его организм был слаб, и его рецепторы жаждали привязанности. Он видел в ней не начальника, не конкурента. Он видел в ней спасительницу. Источник жизни. Объект абсолютного поклонения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.